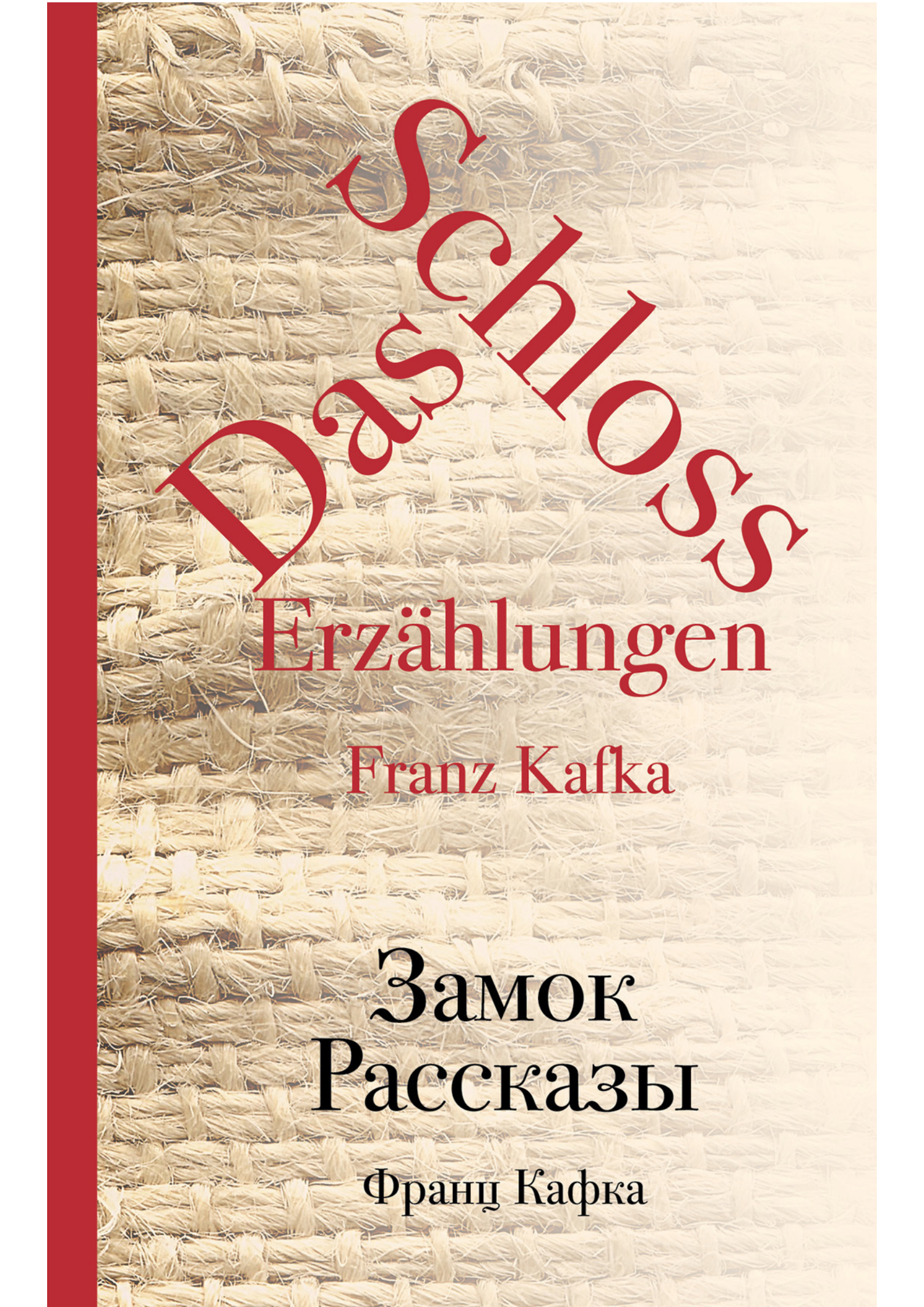

Das Schloss

Erzählungen

Franz Kafka

Замок Рассказы

Франц Кафка

Культовая классика

Франц Кафка

Замок. Рассказы (сборник)

«ФТМ»

«ЭКСМО»

УДК 821.112.2-3(436)

ББК 84(4Авс)-44

Кафка Ф.

Замок. Рассказы (сборник) / Ф. Кафка — «ФТМ», «Эксмо»,
— (Культовая классика)

ISBN 978-5-04-091582-8

Творчество австрийского писателя Франца Кафки удивительно глубоко и многогранно, его стиль неповторим и своеобразен. Личность Кафки столь же неординарна, как и его произведения. Одни считали его пророком своего времени, другие – гениальным сумасшедшим. Бесспорно одно: Франц Кафка – один из тех писателей, кто оказал мощное влияние на литературу XX века. Роман «Замок» для многих поколений стал культовой книгой, до сих пор завораживающей причудливым переплетением правды и вымысла.

УДК 821.112.2-3(436)

ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-04-091582-8

© Кафка Ф.

© ФТМ

© Эксмо

Содержание

Замок	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	31
Глава пятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Франц Кафка

Замок. Рассказы (сборник)

© С. Апт, перевод. Наследники, 2018

© Р. Гальперина, перевод. Наследники, 2018

© Р. Райт-Ковалева, перевод. Наследники, 2018

© И. Татаринова, перевод. Наследники, 2018

© В. Топер, перевод. Наследники, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Замок

Глава первая Прибытие

К. прибыл поздно вечером. Деревня тонула в глубоком снегу. Замковой горы не было видно. Туман и тьма закрывали ее, и огромный Замок не давал о себе знать ни малейшим проблеском света. Долго стоял К. на деревянном мосту, который вел с проезжей дороги в Деревню, и смотрел в кажущуюся пустоту.

Потом он отправился искать ночлег. На постоялом дворе еще не спали, и хотя комнат хозяин не сдавал, он так растерялся и смутился приходом позднего гостя, что разрешил К. взять соломенный тюфяк и лечь в общей комнате. К. охотно согласился. Несколько крестьян еще допивали пиво, но К. ни с кем не захотел разговаривать, сам стащил тюфяк с чердака и улегся у печки. Было очень тепло, крестьяне не шумели, и, окинув их еще раз усталым взглядом, К. заснул.

Но вскоре его разбудили. Молодой человек с лицом актера – узкие глаза, густые брови – стоял над ним рядом с хозяином. Крестьяне еще не разошлись, некоторые из них повернули стулья так, чтобы лучше видеть и слышать. Молодой человек очень вежливо попросил прощения за то, что разбудил К., представился – сын кастеляна Замка – и затем сказал:

– Эта Деревня принадлежит Замку, и тот, кто здесь живет или ночует, фактически живет и ночует в Замке. А без разрешения графа это никому не дозволяется. У вас такого разрешения нет, по крайней мере, вы его не предъявили.

К. привстал, пригладил волосы, взглянул на этих людей снизу вверх и сказал:

– В какую это Деревню я попал? Разве здесь есть Замок?

– Разумеется, – медленно проговорил молодой человек, а некоторые окружающие поглядели на К. и покачали головами. – Здесь находится Замок графа Вествеста.

– Значит, надо получить разрешение на ночевку? – переспросил К., словно желая убедиться, что ему эти слова не приснились.

– Разрешение надо получить обязательно, – ответил ему молодой человек и с явной насмешкой над К., разведя руками, спросил хозяина и посетителей: – Разве можно без разрешения?

– Что же, придется мне достать разрешение, – сказал К., зевнув и откинув одеяло, словно собиравшись встать.

– У кого же? – спросил молодой человек.

– У господина графа, – сказал К., – что же еще остается делать?

– Сейчас, в полночь, брать разрешение у господина графа? – воскликнул молодой человек, отступая на шаг.

– А разве нельзя? – равнодушно спросил К. – Зачем же тогда вы меня разбудили?

Но тут молодой человек совсем вышел из себя.

– Привыкли бродяжничать? – крикнул он. – Я требую уважения к графским служащим. А разбудил я вас, чтобы вам сообщить, что вы должны немедленно покинуть владения графа.

– Но довольно ломать комедию, – нарочито тихим голосом сказал К., ложась и натягивая на себя одеяло. – Вы слишком много себе позволяете, молодой человек, и завтра мы еще поговорим о вашем поведении. И хозяин, и все эти господа могут всё подтвердить, если вообще понадобится подтверждение. А я только могу вам доложить, что я тот землемер, которого граф вызвал к себе. Мои помощники со всеми приборами подъедут завтра. А мне захотелось прой-

тись по снегу, но, к сожалению, я несколько раз сбивался с дороги и потому попал сюда так поздно. Я знал и сам, без ваших наставлений, что сейчас не время являться в Замок. Оттого я и удовольствовался этим ночлегом, который вы, мягко выражаясь, нарушили так невежливо. На этом мои объяснения кончены. Спокойной ночи, господа! – И К. повернулся к печке.

– Землемер? – услышал он чей-то робкий вопрос за спиной, потом настала тишина. Но молодой человек тут же овладел собой и сказал хозяину голосом достаточно сдержанным, чтобы подчеркнуть уважение к засыпающему К., но все же достаточно громким, чтобы тот услышал: – Я справлюсь по телефону. – Значит, на этом постоялом дворе есть даже телефон? Превосходно устроились. Хотя кое-что и удивляло К., он, в общем, принял все как должное. Выяснилось, что телефон висел прямо над его головой, но спросонья он его не заметил. И если молодой человек станет звонить, то, как он ни старайся, сон К. обязательно будет нарушен, разве что К. не позволит ему звонить. Однако К. решил не мешать ему. Но тогда не было смысла притворяться спящим, и К. снова повернулся на спину. Он увидел, что крестьяне робко сбились в кучку и переговариваются; видно, приезд землемера – дело немаловажное. Двери кухни распахнулись, весь дверной проем заняла мощная фигура хозяйки, и хозяин, подойдя к ней на цыпочках, стал что-то объяснять. И тут начался телефонный разговор. Сам кастелян спал, но помощник кастеляна, вернее, один из его помощников, господин Фриц, оказался на месте. Молодой человек, назвавший себя Шварцером, рассказал, что он обнаружил некоего К., человека лет тридцати, весьма плохо одетого, который преспокойно спал на соломенном тюфяке, положив под голову вместо подушки рюкзак, а рядом с собой – суковатую палку. Конечно, это вызвало подозрение, и так как хозяин явно пренебрег своими обязанностями, то он, Шварцер, счел своим долгом вникнуть в его дело как следует, но К. весьма неприязненно отнесся к тому, что его разбудили, допросили и пригрозили выгнать из владений графа, хотя, может быть, рассердился он по праву, так как утверждает, что он землемер, которого вызвал сам граф. Разумеется, необходимо, хотя бы для соблюдения формальностей, проверить это заявление, поэтому Шварцер просит господина Фрица справиться в главной канцелярии, действительно ли там ожидают землемера, и немедленно сообщить результат по телефону.

Стало совсем тихо; Фриц наводил справки, а тут ждали ответа. К. лежал неподвижно, он даже не повернулся и, не проявляя никакого интереса, уставился в одну точку. Недоброжелательный и вместе с тем осторожный доклад Шварцера говорил о некоторой дипломатической подготовке, которую в Замке, очевидно, проходят даже самые незначительные люди вроде Шварцера. Да и работали там, как видно, на совесть, раз главная канцелярия была открыта и ночью. И справки выдавали, как видно, сразу: Фриц позвонил тут же. Ответ был, как видно, весьма короткий, и Шварцер злобно бросил трубку.

– Как я и говорил! – закричал он. – Никакой он не землемер, просто гнусный враль и бродяга, а может, и похуже.

В первую минуту К. подумал, что все: и крестьяне, и Шварцер, и хозяин с хозяйкой – бросятся на него. Он нырнул под одеяло – хотя бы укрыться от первого наскока. Но тут снова зазвонил телефон, как показалось К., особенно громко. Он осторожно высунул голову. И хотя казалось маловероятным, что звонок касается К., но все остановились, а Шварцер подошел к аппарату. Он выслушал длинное объяснение и тихо проговорил:

– Значит, ошибка? Мне очень неприятно. Как, звонил сам начальник канцелярии? Странно, странно. Что же мне сказать господину землемеру?

К. насторожился. Значит, Замок утвердил за ним звание землемера. С одной стороны, это было ему невыгодно, так как означало, что в Замке о нем знают все что надо и, учитывая соотношение сил, шутя принимают вызов к борьбе. Но с другой стороны, в этом была и своя выгода: по его мнению, это доказывало, что его недооценивают и, следовательно, он будет пользоваться большей свободой, чем предполагал. А если они считают, что этим своим, без-

условно, высокомерным признанием его звания они смогут держать его в постоянном страхе, то тут они ошибаются: ему стало немного жутко, вот и все.

К. отмахнулся от Шварцера, когда тот робко попытался подойти к нему, отказался, несмотря на уговоры, перейти в комнату хозяев, только принял из рук хозяина стакан питья, а от хозяйки – таз для умывания и мыло с полотенцем; ему даже не пришлось просить очистить зал, так как все уже теснились у выхода, отворачиваясь от К., чтобы он утром никого не узнал. Лампу погасили, и наконец его оставили в покое. Он уснул глубоким сном и, хотя его раза два будили шмыгавшие мимо крысы, проспал до самого утра.

После завтрака – и еду, и пребывание К. в гостинице должен был, по словам хозяина, оплатить Замок – К. собрался идти в Деревню. Но так как хозяин, с которым он, памятуя его вчерашнее поведение, говорил только по необходимости, все время молча, с умоляющим видом, вертелся около него, К. сжалился над ним и разрешил ему присесть рядом.

– С графом я еще не знаком, – сказал он, – говорят, он за хорошую работу хорошо и платит, верно? Когда уедешь, как я, далеко от семьи, хочется привезти домой побольше.

– Об этом пусть господин не беспокоится, на плохую оплату здесь еще никто не жаловался.

– Да я и не робкого десятка, – сказал К., – могу настоять на своем и перед графом, но, конечно, куда лучше поладить миром с этим господином.

Хозяин примостился напротив К. на самом краешке подоконника – усестся поудобнее он не решался – и не сводил с К. больших карих испуганных глаз. И хотя перед этим он сам все время ходил около К., но теперь, как видно, ему не терпелось сбежать. Боялся он, что ли, расспросов про графа? Или боялся, что «господин», которого он видел в К., – человек ненадежный? К. решил его отвлечь. Взглянув на часы, он сказал:

– Скоро подъедут и мои помощники, сможешь ли ты пристроить их тут?

– Конечно, сударь, но разве они не будут жить вместе с тобой в Замке?

Неужели он так легко и охотно отказывается от постояльцев, и от К. в особенности, считая, что тот непременно будет жить в Замке?

– Это не обязательно, – сказал К., – сначала надо узнать, какую мне дадут работу. Если, к примеру, придется работать тут, внизу, то и жить внизу будет удобнее. К тому же я боюсь, что жизнь в Замке окажется не по мне. Хочу всегда чувствовать себя свободно.

– Не знаешь ты Замка, – тихо сказал хозяин.

– Конечно, – сказал К., – заранее судить не стоит. О Замке я покамест знаю только то, что там умеют подобрать для себя хороших землемеров. Но возможно, там есть и другие преимущества. – И К. встал, чтобы освободить от своего присутствия хозяина, беспокойно кусавшего губы. Не так-то легко было завоевать доверие этого человека.

Выходя, К. обратил внимание на темный портрет в темной раме, висевший на стене. Он заметил его и раньше, со своего тюфяка, но издали не разглядел как следует и подумал, что картина была вынута из рамы и осталась только черная доска. Но теперь он увидел, что это был портрет, поясной портрет мужчины лет пятидесяти. Его голова была опущена так низко, что глаз почти не было видно и четко выделялся только высокий выпуклый лоб да крупный крючковатый нос. Широкая борода, прижатая к груди подбородком, резко выдавалась вперед. Левая рука была запущена в густые волосы, но поднять голову кверху никак не могла.

– Кто такой? – спросил К. – Граф?

– Нет, – сказал хозяин, – это кастелян.

– Красивый у них в Замке кастелян, сразу видно, – сказал К., – жаль только, что сын у него неудачный.

– Нет, – сказал хозяин, притянул к себе К. и зашептал ему в ухо: – Шварцер вчера наговорил лишнего, его отец всего лишь помощник кастеляна, да и то из самых низших.

К. показалось, что в эту минуту хозяин стал похож на ребенка.

– Каков негодай! – засмеялся К., но хозяину было, очевидно, не до смеха.
– Его отец тоже человек могущественный! – сказал он.
– Брось! – сказал К. – Ты всех считаешь могущественными. Наверно, и меня тоже?
– Тебя? – сказал тот робко, но решительно. – Нет, тебя я могущественным не считаю.
– Однако ты неплохо все подмечаешь, – сказал К. – Откровенно говоря, никакого могущества у меня действительно нет. Должно быть, оттого я не меньше тебя уважаю всякую власть, только я не так откровенен, как ты, и не всегда желаю в этом сознаваться.

И К. слегка похлопал хозяина по щеке – хотелось и утешить его, и снискать больше доверия к себе. Тот смущенно улыбнулся. Он и вправду был похож на мальчишку – лицо мягкое, почти безбородое. И как это ему досталась такая толстая немолодая жена – через оконце в стене было видно, как она, широко расставив локти, хозяйничает на кухне. Но К. не хотел сейчас расспрашивать хозяина, боясь прогнать эту улыбку, вызванную с таким трудом. Он только кивком попросил открыть ему двери и вышел в погожее зимнее утро.

Теперь весь Замок ясно вырисовывался в прозрачном воздухе, и от тонкого снежного покрова, целиком одевавшего его, все формы и линии выступали еще отчетливее. Вообще же там, на горе, снега как будто было меньше, чем тут, в Деревне, где К. пробирался с не меньшим трудом, чем вчера по дороге. Тут снег подступал к самым окнам избышек, навстречу тяжело нависали с низких крыш сугробы, а там, на горе, все высилось свободно и легко – так по крайней мере казалось снизу.

Весь Замок, каким он виделся издалика, вполне соответствовал ожиданиям К. Это была и не старинная рыцарская крепость, и не роскошный новый дворец, а целый ряд строений, состоящий из нескольких двухэтажных и множества тесно прижавшихся друг к другу низких зданий, и, если не знать, что это Замок, можно было бы принять его за городок. К. увидел только одну башню, то ли над жилым помещением, то ли над церковью – разобрать было нельзя. Стаи ворон кружились над башней.

К. шел вперед, не сводя глаз с Замка, – ничто другое его не интересовало. Но чем ближе он подходил, тем больше разочаровывал его Замок, уже казавшийся просто жалким городком, чьи домишки отличались от изб только тем, что были построены из камня, да и то штукатурка на них давно отлепилась, а каменная кладка явно крошилась. Мельком припомнил К. свой родной городок; он был ничуть не хуже этого так называемого Замка. Если бы К. приехал лишь для его осмотра, то жалко было бы проделанного пути, и куда умнее было бы снова навестить далекий родной край, где он так давно не бывал. И К. мысленно сравнил церковную башню родного города с этой башней наверху. Та башня четкая, бестрепетно идущая кверху, с широкой кровлей, крытой красной черепицей, вся земная – разве можем мы строить иначе? – но устремленная выше, чем приземистые домишки, более праздничная, чем их тусклые будни. А эта башня наверху – единственная, какую он заметил, башня жилого дома, как теперь оказалось, а быть может, и главная башня Замка – представляла собой однообразное круглое строение, кое-где словно из жалости прикрытое плющом, с маленькими окнами, посверкивающими сейчас на солнце – в этом было что-то безумное, – и с выступающим карнизом, чьи зубцы, неустойчивые, неровные и ломкие, словно нарисованные пугливой и небрежной детской рукой, врезались в синее небо. Казалось, будто какой-то унылый жилец, которому лучше всего было бы запереться в самом дальнем углу дома, вдруг пробил крышу и высунулся наружу, чтобы показаться всему свету.

К. снова остановился, как будто так, не на ходу, ему было легче судить о том, что он видел. Но ему помешали. За сельской церковью, где он остановился, – в сущности, это была, скорее, часовня с пристройкой вроде амбара, где можно было вместить всех прихожан, – стояла школа. Длинный низкий дом – странное сочетание чего-то наспех сколоченного и вместе с тем древнего – стоял в саду, обнесенном решеткой и утонувшем в снегу. Оттуда как раз выходили дети с учителем. Окружив его тесной толпой и глядя ему в глаза, ребята без умолку бол-

тали наперебой, и К. ничего не понимал в их быстрой речи. Учитель, маленький, узкоплечий человек, держался очень прямо, но не производил смешного впечатления. Он уже издали заметил К. – впрочем, никого, кроме его учеников и К., вокруг не было. Как приезжий, К. поздоровался первым, к тому же у маленького учителя был весьма внушительный вид.

– Добрый день, господин учитель, – сказал К.

Словно по команде, дети сразу замолчали, и эта внезапная тишина в ожидании его слов как-то расположила учителя.

– Рассматриваете Замок? – спросил он мягче, чем ожидал К., однако таким тоном, словно он не одобрял поведения К.

– Да, – сказал К. – Я приезжий, только со вчерашнего вечера тут.

– Вам Замок не нравится? – быстро спросил учитель.

– Как вы сказали? – переспросил К. немного растерянно и повторил вопрос учителя, смягчив его: – Нравится ли мне Замок? А почему вы решили, что он мне не понравится?

– Никому из приезжих не нравится, – сказал учитель.

И К., чтобы не сказать лишнего, перевел разговор и спросил:

– Вы, наверно, знаете графа?

– Нет, – ответил учитель и хотел отойти, но К. не уступал и повторил вопрос:

– Как, вы не знаете графа?

– Откуда мне его знать? – тихо сказал учитель и добавил громко по-французски: – Будьте осторожней в присутствии невинных детей.

К. решил, что после этих слов ему можно спросить:

– Вы разрешите как-нибудь зайти к вам, господин учитель? Я приехал сюда надолго и уже чувствую себя несколько одиноким; с крестьянами у меня мало общего и с Замком, очевидно, тоже.

– Между Замком и крестьянами особой разницы нет, – сказал учитель.

– Возможно, – согласился К. – Но в моем положении это ничего не меняет. Можно мне как-нибудь зайти к вам?

– Я живу на Шваненгассе, у мясника, – сказал учитель. И хотя он скорее просто сообщил свой адрес, чем пригласил к себе, но К. все же сказал:

– Хорошо, я приду.

Учитель кивнул головой и отошел, а дети сразу загалдели. Вскоре они скрылись в круто спускавшемся переулке.

К. не мог сосредоточиться – его расстроил этот разговор. Впервые после приезда он почувствовал настоящую усталость. Дальняя дорога его совсем не утомила, он шел себе и шел, изо дня в день, спокойно, шаг за шагом. А сейчас сказывались последствия сильнейшего переутомления – и очень некстати. Его неудержимо тянуло к новым знакомствам, но каждая новая встреча усугубляла усталость. Нет, будет вполне достаточно, если он в своем теперешнем состоянии заставит себя прогуляться хотя бы до входа в Замок.

Он снова зашагал вперед, но дорога была длинной. Оказалось, что улица – главная улица Деревни – вела не к замковой горе, а только приближалась к ней, но потом, словно нарочно, сворачивала вбок и, не удаляясь от Замка, все же к нему и не приближалась. К. все время ждал, что наконец дорога повернет к Замку, и только из-за этого шел дальше, от усталости он явно боялся сбиться с пути, да к тому же его удивляла величина Деревни: она тянулась без конца – все те же маленькие домишки, заиндевевшие окна, и снег, и безлюдье, – тут он внезапно оторвался от цепко державшей его дороги, и его принял узкий переулочек, где снег лежал еще глубже и только с трудом можно было вытаскивать вязнувшие ноги. Пот выступил на лбу у К., и он остановился в изнеможении.

Да, но ведь он был не один, справа и слева стояли крестьянские избы. Он слепил снежок и бросил его в окошко. Тотчас же отворилась дверь – первая открывшаяся дверь за всю дорогу

по Деревне, – и старый крестьянин в коричневом кожаном, приветливо и робко склонив голову к плечу, вышел ему навстречу.

– Можно мне ненадолго зайти к вам? – сказал К. – Я очень устал. – Он не расслышал, что ответил старик, но с благодарностью увидел, что тот подложил доску, чтобы он мог выбраться из глубокого снега, и, шагнув по ней, К. очутился в горнице.

Большая сумрачная комната. Войдя со свету, сразу ничего нельзя было увидеть. К. наткнулся на корыто, женская рука отвела его. В одном углу громко кричали дети. Из другого валил густой пар, от которого полутьма сгущалась в полную темноту. К. стоял, словно окутанный облаками.

– Да он пьян, – сказал кто-то.

– Вы кто такой? – властно крикнул чей-то голос и, обращаясь, как видно, к старику, добавил: – Зачем ты его впустил? Всех, что ли, впускать, кто шляется по дороге?

– Я графский землемер, – сказал К., как бы пытаясь оправдаться перед тем, кого он все еще не видел.

– Ах, это землемер, – сказал женский голос, и сразу наступила полнейшая тишина.

– Вы меня знаете? – спросил К.

– Конечно, – коротко бросил тот же голос. Но то, что они знали К., как видно, не шло ему на пользу.

Наконец пар немного рассеялся, и К. стал постепенно присматриваться. Очевидно, у них был банный день. У дверей стирали. Но пар шел из другого угла, где в огромной деревянной лохани – таких К. не видел, она была величиной с двуспальную кровать – в горячей воде мылись двое мужчин. Но еще неожиданнее – хотя трудно было сказать, в чем заключалась эта неожиданность, – оказалось то, что виднелось в правом углу. Из большого окна – единственного в задней стене горницы – со двора падал бледный нежный свет, придавая шелковистый отблеск платью женщины, устало полулежавшей в высоком кресле. К ее груди прильнул младенец. Около нее играли дети, явно крестьянские ребята, но она как будто была не из этой среды. Правда, от болезни и усталости даже крестьянские лица становятся утонченней.

– Садитесь! – сказал один из мужчин, круглобородый, да еще с нависшими усами – он все время отдувал их с губ, пыхтя и разевая рот, – обдав ему все лицо теплой водой. На сундуке в сумрачном раздумье уже сидел старик, впустивший К., и К. обрадовался, что наконец можно сесть. Больше на него никто не обращал внимания. Молодая женщина, стиравшая в корыте, светловолосая, в расцвете молодости, тихо напевала, мужчины крутились и вертелись в лохани; ребята все время лезли к ним, но их отгоняли, свирепо брызгая в них водой, попадавшей и на К.; женщина в кресле замерла, как неживая, и смотрела не на младенца у груди, а куда-то вверх.

Верно, К. долго глядел на эту неподвижную, грустную и прекрасную картину, но потом, должно быть, заснул, потому что, встрепенувшись от громкого окрика, он почувствовал, что лежит головой на плече у старика, сидевшего рядом. Мужчины уже вымылись и стояли одетые около К., а в лохани теперь плескались ребята под присмотром белокурой женщины. Выяснилось, что крикливый бородач не самый главный из двоих. Второй, хоть и ростом не выше и с гораздо менее густой бородой, оказался тихим медлительным широкоплечим человеком со скуластым лицом; он стоял, опустив голову.

– Господин землемер, – сказал он, – вам тут оставаться нельзя. Простите за невежливость.

– Я и не думал оставаться, – сказал К. – Хотел только передохнуть немного. Теперь отдохнул и могу уйти.

– Наверно, вас удивляет негостеприимство, – сказал тот, – но гостеприимство у нас не в обычае, нам гостей не надо.

Освеженный недолгим сном и снова сосредоточившись, К. обрадовался откровенным словам. Он двигался свободнее, прошелся, опираясь на свою палку, взад и вперед, даже подошел к женщине в кресле, ощущая, что он ростом выше всех остальных.

– Правильно, – сказал К. – Зачем вам гости? Но изредка человек может и понадобится, например, землемер, такой, как я.

– Мне это неизвестно, – медленно сказал тот. – Если вас вызвали, значит, вы понадобились; наверно, это исключение, но мы, мы люди маленькие, живем по закону, вам за это на нас обижаться не следует.

– Нет-нет, – сказал К. – Я вам только благодарен, и вам лично, и всем присутствующим. – И неожиданно для всех К. буквально подпрыгнул на месте, перевернулся и очутился перед женщиной в кресле. Усталые голубые глаза поднялись на него. Прозрачный шелковый платочек до половины прикрывал лоб, младенец спал у нее на груди.

– Кто ты? – спросил К., и с пренебрежением к самому ли К. или к своим словам она бросила:

– Я служанка из Замка.

Но не прошло и секунды, как слева и справа К. схватили двое мужчин и молча, словно другого способа объясниться не было, с силой потащили его к дверям. Старик чему-то вдруг обрадовался и захлопал в ладоши. И прачка засмеялась вместе с загалдевшими вдруг ребятами.

К. так и остался стоять на улице, мужчины следили за ним с порога. Снова пошел снег, но как будто стало светлее.

– Куда вы пойдете? – нетерпеливо крикнул круглобородый. – Туда – путь к Замку, сюда – в Деревню.

Но К. спросил не у него, а у того, второго, который, несмотря на свою замкнутость, казался ему обходительнее:

– Кто вы такие? Кого мне благодарить за отдых?

– Я дубильщик Лаземан, – ответил тот. – А благодарить вам никого не надо.

– Прекрасно, – сказал К. – Надеюсь, мы еще встретимся.

– Вряд ли, – сказал мужчина.

И в эту минуту круглобородый, подняв руку, закричал:

– Здорово, Артур, здорово, Иеремия!

К. обернулся: значит, в этой Деревне все же люди выходили на улицу! По дороге от Замка шли два молодых человека среднего роста, оба очень стройные, в облегающих костюмах и даже лицом очень похожие. Цвет лица у них был смуглый, а острые бородки такой черноты, что выделялись даже на смуглых лицах. Несмотря на трудную дорогу, они шли удивительно быстро, выбрасывая в такт стройные ноги.

– Вы зачем сюда? – крикнул бородач.

– Дела! – смеясь, крикнули те.

– Где?

– На постоялом дворе!

– И мне туда! – закричал К. громче всех, ему ужасно захотелось, чтобы эти двое взяли его с собой. И хотя знакомство с ними ничего особенного не сулило, но они наверняка были бы славными бодрыми спутниками. Они услышали слова К., но только кивнули ему и сразу исчезли вдали.

К. все еще стоял в снегу, у него не было охоты вытаскивать оттуда ногу, чтобы тут же погрузить ее в сугроб; дубильщик с товарищем, довольные тем, что окончательно избавились от К., медленно протискивались в дом сквозь неплотно прикрытую дверь, то и дело оглядываясь на К., и К. наконец остался один в глубоком снегу. «Пожалуй, была бы причина слегка расстроиться, – подумал К., – если бы я сюда попал случайно, а не нарочно».

Вдруг с левой стороны домишка открылось крохотное оконце; оно казалось темно-синим, пока было закрыто, – очевидно, при отблеске снега – и было таким крошечным, что сейчас в нем виднелось не все лицо того, кто выглядывал, а только глаза – стариковские карие глаза.

– Вон он стоит, – услышал К. дрожащий женский голос.

– Это землемер, – сказал мужской голос. Потом мужчина подошел к окошку и добавил без враждебности, но все же так, словно был озабочен, как бы не нарушился порядок перед его домом: – Кого вы ждете?

– Жду, пока какие-нибудь сани меня не захватят, – сказал К.

– Тут сани не проезжают, – сказал мужчина, – тут дорога непроезжая.

– Но ведь это дорога в Замок?

– И все же тут дорога непроезжая, – повторил мужчина с какой-то настойчивостью. Оба замолчали. Но мужчина, очевидно, что-то решал, потому что не захлопывал оконца, оттуда шел дымок.

– Дорога скверная, – сказал К., поддерживая разговор.

Но тот только сказал:

– Да, конечно. – Помолчав, он все же добавил: – Если хотите, я вас довезу на санках.

– Пожалуйста, довезите! – обрадовался К. – Сколько вы с меня возьмете?

– Ничего, – сказал мужчина. К. очень удивился. – Вы ведь землемер, – объяснил мужчина, – вы имеете отношение к Замку. Куда же вы хотите ехать?

– В Замок, – ответил К.

– Тогда я не поеду, – сразу сказал мужчина.

– Но я же имею отношение к Замку, – сказал К., повторяя слова мужчины.

– Возможно, – уклончиво сказал тот.

– Тогда отвезите меня на постоянный двор, – сказал К.

– Хорошо, – сказал мужчина, – сейчас выведу сани.

Видно, тут дело было не в особой любезности, а, скорее, в эгоистичном, тревожном, почти педантическом стремлении поскорее убрать К. с улицы перед домом.

Открылись ворота, и выехали маленькие санки для легких грузов, совершенно плоские, без всякого сиденья, запряженные тощей лошадежкой, за ними шел, согнувшись, малорослый хромым человек с изможденным красным слезящимся лицом, которое казалось совсем крошечным в складках толстого шерстяного платка, накрученного на голову. Человек был явно болен и, очевидно, вышел на улицу только для того, чтобы отвезти К. Так К. ему и сказал, но тот отмахнулся. К. услышал только, что он возница Герстекер и взял эти неудобные санки потому, что они стояли наготове, а вывозить другие было бы слишком долго.

– Садитесь, – сказал он, ткнув кнутом в задок саней.

– Я сяду с вами рядом, – ответил К.

– А я пешком, – сказал Герстекер.

– Почему? – спросил К.

– Я пешком, – повторил Герстекер, и вдруг его так стал колотить кашель, что пришлось упереться ногами в снег, а руками – в край санок, чтобы не упасть. К., ничего не говоря, сел в санки сзади, кашель постепенно утих, и они тронулись.

Замок наверху, странно потемневший, куда К. сегодня и не надеялся добраться, отдалялся все больше и больше. И, словно подавая знак и ненадолго прощаясь, оттуда прозвучал колокол, радостно и окрыленно, и от этого колокольного звона на миг вздрогнуло сердце, словно в боязни – ведь и тоской звенел колокол, – а вдруг исполнится то, к чему так робко оно стремилось. Но большой колокол вскоре умолк, его сменил слабый однотонный колокольчик, то ли оттуда сверху, то ли уже из Деревни. И этот перезвон как-то лучше подходил к медленному скольжению саней и унылому, но безжалостному вознице.

– Слушай! – крикнул вдруг К.; они уже подъезжали к церкви, постоянный двор был недалеко, и К. немного осмелел. – Я все удивляюсь, что ты под свою ответственность решаешься меня везти, разве тебе это разрешено?

Но Герстекер не обратил никакого внимания и спокойно шагал рядом с лошадежкой.

– Эй! – крикнул К. и, собрав в санях горсть снега, угодил снежком прямо в ухо Герстекеру.

Тот остановился и обернулся назад; и когда К. увидел его так близко перед собой – санки проползли только шаг, – увидел эту согнутую, чем-то искаленную фигуру, воспаленное усталое худое лицо с какими-то разными щеками – одна плоская, другая запавшая, – полуоткрытый растерянный рот, где торчало всего несколько зубов, он повторил ехидный вопрос уже с состраданием: не достанется ли Герстекеру за то, что он отвез К.?

– Чего тебе надо? – непонятливо спросил Герстекер и, не ожидая объяснений, крикнул на лошаденку, и они поехали дальше.

Когда они – К. узнал знакомый поворот – уже почти добрались до постоянного двора, там была полнейшая темнота, чему К. очень удивился. Неужели он так долго отсутствовал? Всего час-другой, по его расчетам, да и вышел он с самого утра, и есть ему совсем не хотелось, и еще недавно стоял совсем светлый день, и вдруг такая тьма. «Коротки дни, коротки», – сказал он про себя и, соскочив с санок, пошел к постоянному двору.

К счастью, на верхней ступеньке крыльца стоял хозяин, светя ему навстречу высоко поднятым фонарем. Мимоходом вспомнив о вознице, К. приостановился, но кашель донесся откуда-то из темноты, – видно, тот уже ушел. Ничего, наверно, скоро они где-нибудь встретятся. Только поднявшись на крыльцо к хозяину, подобострастно поздоровавшемуся с ним, К. увидел по обеим сторонам двери двух человек. Он взял фонарь из рук хозяина и посветил на них: это оказались те двое, которых он уже видел, их еще называли Иеремия и Артур. Они откозыряли ему. К. вспомнил военную службу – самые счастливые годы жизни – и засмеялся.

– Кто вы такие? – спросил он, оглядывая их обоих.

– Ваши помощники, – ответили они.

– Да, помощники, – негромко подтвердил хозяин.

– Как? – спросил К. – Вы – мои старые помощники? Это вам я велел ехать за мной, это вас я ждал?

– Да, – сказали они.

– Это хорошо, – сказал К., помолчав, – хорошо, что вы приехали. Однако, – добавил он, немного помолчав, – вы сильно запоздали, вы очень неаккуратны.

– Дорога была дальняя, – сказал один из них.

– Дорога дальняя? – повторил К. – Но ведь я вас встретил, когда вы шли из Замка.

– Да, – сказали оба, но ничего не объяснили.

– А где у вас инструменты? – спросил К.

– У нас их нет, – ответили оба.

– Как? Инструменты, которые я вам доверил? – сказал К.

– У нас их нет, – повторили они.

– Ну что вы за люди! – сказал К. – Да знаете ли вы толк в землемерных работах?

– Нет, – сказали оба.

– Но если вы мои прежние помощники, вы должны все уметь, – сказал К. Они промолчали. – Ну пойдемте! – сказал К. и втолкнул их в дом.

Глава вторая

Варнава

Они сели втроем у маленького столика в зале и молча стали пить пиво. К. сидел посредине, оба помощника – справа и слева. В зале, как и вчера вечером, только еще за одним столом сидели крестьяне.

– Трудно мне будет с вами, – сказал К., все время сравнивая лица своих помощников, – ну как мне вас отличать? Ведь вы только именами и отличаетесь, а вообще похожи, как... – Он запнулся и нечаянно добавил: – Похожи, как две змеи.

Помощники усмехнулись.

– Обычно нас легко различают, – как бы оправдываясь, сказал один.

– Верю, – сказал К., – сам был тому свидетелем, но у меня-то глаза свои, а мне вас никак не различить. Буду обращаться с вами как с одним человеком и звать обоих буду Артур, одного из вас ведь так и зовут, тебя, что ли?

– Нет, – сказал тот, – меня звать Иеремия.

– Неважно, – сказал К., – все равно буду обоих звать Артур. Пошлю куда-нибудь Артура – вы оба и пойдете, поручу Артуру работу – оба за нее возьметесь, конечно, мне очень невыгодно, что я не могу вас использовать на разных работах, но зато удобно: за все, что я вам поручу, будете нести ответственность вместе, нераздельно. Как вы работу поделите – мне безразлично, только никаких отговорок от каждого в отдельности я не приму, вы для меня – один человек.

Оба подумали и сказали:

– Нам это будет очень неприятно.

– Еще бы! – сказал К. – Конечно, вам должно быть неприятно, но так оно и будет!

Уже несколько минут К. наблюдал, как вокруг их столика, крадучись, бродит один из крестьян, и, вдруг решившись, он подошел к одному из помощников и хотел что-то шепнуть ему на ухо.

– Простите, – сказал К. и, хлопнув рукой по столу, встал, – это мои помощники, у нас сейчас совещание. Никто не имеет права нам мешать!

– Ох, виноват, виноват! – испуганно проговорил крестьянин и задом попятился к своим товарищам.

– Одно вы должны строго соблюдать, – сказал К., снова садясь на место, – ни с кем без моего позволения вы разговаривать не должны. Я здесь чужой, а раз вы – мои старые помощники, то и вы тут чужие. Поэтому мы, трое чужаков, должны держаться вместе. По рукам, что ли?

Оба с готовностью протянули ему руки.

– Лапы уберите, – сказал К., – а мой приказ остается в силе. Теперь я пойду сосну, да и вам советую лечь. Сегодня у нас пропал рабочий день, а завтра надо начинать пораньше. Достаньте сани, на них поедem в Замок, и чтобы к шести утра сани стояли перед домом.

– Хорошо, – сказал один, но второй вмешался:

– Ты говоришь «хорошо», а сам знаешь, что это невозможно.

– Тихо! – сказал К. – Вы, кажется, затеяли действовать вразнобой?

Но тут снова заговорил первый:

– Он прав, это невозможно, в Замок посторонним без разрешения доступа нет.

– А где брать разрешение?

– Не знаю, может, у кастеляна.

– Что же, будем звонить по телефону. А ну-ка, вы оба, звоните сейчас же кастеляну.

Оба бросились к телефону, вызвали номер – как они суетились, всем видом выражая послушание! – и спросили, можно ли К. с ними вместе завтра утром явиться в Замок.

– Нет! – прозвучало так громко, что донеслось до столика К. Ответ был еще решительнее, там добавили: – Ни завтра, ни в другой день.

– Сам поговорю, – сказал К., вставая.

И хотя и К., и его помощники до сих пор особого интереса не возбуждали – не считая случая с тем крестьянином, – его последние слова вызвали всеобщее внимание. Все встали вместе с К., и, хотя хозяин старался их оттеснить, все столпились вокруг телефона. Большинство высказывало мнение, что К. вообще никакого ответа не получит. К. должен был попросить их замолчать, их мнения он вовсе не спрашивал.

В трубке послышалось гудение – такого К. никогда по телефону не слышал. Казалось, что гул бесчисленных детских голосов – впрочем, это гудение походило не на гул, а, скорее, на пение далеких, очень-очень далеких голосов, – казалось, что это гудение каким-то совершенно непостижимым образом сливалось в единственный высокий и все же мощный голос, он бил в ухо, словно стараясь проникнуть не только в жалкий слух, но и куда-то глубже. К. слушал, не говоря ни слова, упершись левым локтем в подставку от телефона, и слушал, слушал...

Он не знал, как долго это длилось, но тут хозяин, дернув его за куртку, прошептал, что к нему пришел посыльный.

– Уйди! – не сдерживаясь, крикнул К., очевидно, прямо в телефонную трубку, потому что ему тут же ответили. И произошел следующий разговор.

– Освальд слушает, кто говорит? – крикнул строгий надменный голос.

К. послышался какой-то дефект речи, который старались выправить излишней напускной строгостью. Назвать себя К. не решался, перед телефоном он чувствовал себя беспомощным, на него могли наорать, бросить трубку; К. закрыл себе немаловажный путь. Нерешительность К. раздражала его собеседника.

– Кто говорит? – повторил он и добавил: – Я был бы очень обязан, если бы оттуда меньше звонили, только что нас уже вызывали.

К. не обратил внимания на эти слова и, внезапно решившись, доложил:

– Говорит помощник господина землемера.

– Какой помощник? Какой господин? Какой землемер?

К. вдруг вспомнил вчерашний разговор по телефону.

– Спросите Фрица, – отчеканил он. К собственному его удивлению, это помогло. Но еще больше, чем этому, удивился он единству тамошней службы. Ему сразу ответили:

– Знаю. Вечно этот землемер. Да, да! А дальше что? Какой еще помощник?

– Йозеф! – сказал ему К. Ему очень мешало перешептывание крестьян за спиной, они, очевидно, были против того, что он неправильно доложил о себе. Но ему некогда было с ними препираться, разговор поглощал все его внимание.

– Йозеф? – переспросили оттуда. – Но ведь помощников зовут... – Маленькая пауза, как видно, там справлялись у кого-то об именах, – Артур и Иеремия.

– Это новые помощники, – сказал К.

– Да нет же, это старые.

– Нет, новые, а вот я старый, я приехал сегодня вслед за господином землемером.

– Нет! – крикнули в трубку.

– Так кто же я такой? – спросил К. все с тем же спокойствием.

Наступила небольшая пауза, и тот же человек, с тем же недостатком речи, но совсем другим, глубоким и уважительным, голосом проговорил:

– Ты старый помощник.

Вслушиваясь в этот голос, К. чуть не пропустил вопрос.

– А что тебе нужно?

Охотнее всего он положил бы трубку. От этих переговоров он все равно ничего не ждал. Но тут он был вынужден что-то сказать и торопливо спросил:

– А когда моему хозяину можно будет прийти в Замок?

– Никогда! – прозвучал ответ.

– Хорошо, – сказал К. и повесил трубку.

Крестьяне, стоявшие сзади, придвинулись совсем вплотную. Помощники, искоса поглядывая на него, были заняты тем, чтобы не подпускать крестьян слишком близко. Но делалось это явно для виду, да и сами крестьяне, удовлетворенные исходом разговора, медленно отступали. Вдруг в их толпу сзади быстрыми шагами врезался какой-то человек и, поклонившись К., передал ему письмо. Держа письмо в руке, К. оглядел посланца – ему это показалось важнее. Между ним и помощниками было большое сходство, он был так же строен, в таком же облегчающем платье, так же быстр и ловок в движениях, как они, и вместе с тем он был совершенно другой. Лучше бы он достался К. в помощники! Чем-то он ему напоминал женщину с грудным младенцем, которую он видел у дубильщика. Одет он был почти что во все белое, и хотя платье было не из шелка – как и все другие, он был в зимнем, – но по мягкости, по праздничности это платье напоминало шелк. Лицо у него было светлое, открытое, глаза сверхъестественно большие. Улыбался он необыкновенно приветливо; он провел рукой по лицу, словно пытаясь стереть эту улыбку, но ничего не вышло.

– Кто ты такой? – спросил К.

– Зовут меня Варнава, – сказал тот. – Я посыльный.

Мужественно и вместе с тем нежно раскрывались и смыкались его губы, складывая слова.

– Тебе здесь нравится? – спросил К. и показал на крестьян, он еще не потерял интереса к ним с их словно нарочно исковерканными физиономиями – казалось, их били по черепу сверху, до уплощения, и черты лица формировались под влиянием боли от этого битья, – теперь они, приоткрыв отекавшие губы, то смотрели на него, то не смотрели, иногда их взгляды блуждали по сторонам и останавливались где попало, уставившись на какой-нибудь предмет; и еще К. показал Варнаве на своих помощников – те стояли обнявшись, щекой к щеке, и посмеивались, то ли застенчиво, то ли с издевкой, и К. обвел всех их рукой, словно представляя свою свиту, навязанную ему обстоятельствами, и ожидая – этого доверия и добивался К., – чтобы Варнава раз и навсегда увидел разницу между ними и самим К. Но Варнава с полнейшим простодушием – это сразу было видно – совсем не понял, что хотел сказать К.; он лишь воспринял жест К. как благовоспитанный слуга воспринимает каждое слово хозяина, даже непосредственно его не касающееся, и в ответ только послушно оглядел всех вокруг, помахал рукой знакомым крестьянам, обменялся несколькими словами с помощниками – и все это свободно, непринужденно, не держась ото всех особняком. И К., как бы поставленный на место, но не пристыженный, вспомнил о письме, которое он все еще держал в руках, и распечатал его. В письме стояло: «Многоуважаемый господин! Как вам известно, вы приняты на службу к владельцу Замка. Вашим непосредственным начальником является сельский староста, который сообщит вам все ближайшие подробности о вашей работе и об условиях оплаты, перед ним же вы должны будете отчитываться. Вместе с тем и я постараюсь не терять вас из виду. Податель сего письма, Варнава, будет время от времени справляться о ваших пожеланиях и докладывать об этом мне. Вы встретите с моей стороны постоянную готовность по возможности идти вам навстречу. Я заинтересован, чтобы мои работники были довольны». Дальше шла неразборчивая подпись, но рядом печатными буквами стояло: «Начальник Н-ской канцелярии».

– погоди! – сказал К. склонившемуся в поклоне Варнаве и кликнул хозяина, чтобы ему отвели комнату, – ему хотелось наедине разобраться в письме. При этом он вспомнил, что при всей симпатии, какую он почувствовал к Варнаве, тот был всего лишь посыльным, и велел подать ему пива. К. проследил, как он это примет, но тот взял пиво с явным удовольствием и сразу выпил. К. пошел за хозяином. В этом домишке для К. не нашлось ничего, кроме чердачной каморки, да и это вызвало осложнения, потому что пришлось куда-то переселять двух слуганок, спавших там до сих пор. Собственно говоря, там больше ничего не сделали, только

выселили служанок; комната была не убрана, даже единственная кровать не постлана, на ней лежали лишь пара одеял да попоны, оставшиеся с прошлой ночи. На стенах висело несколько религиозных картинок и фотографий солдат. Даже проветривать каморку не стали – видно, понадеялись, что новый постоялец надолго не задержится, и ничего не сделали, чтобы его удержать. Но К. был на все готов, он завернулся в одеяло, сел к столу и при свече стал перечитывать письмо.

Письмо было неодинаковое, в некоторых фразах к нему обращались как к свободному человеку, чью личную волю признают, – это выражалось в обращении и в той фразе, где говорилось о его пожеланиях. Но были такие выражения, в которых к нему скрыто или явно относились как к ничтожному, почти незаметному с высокого поста работнику, будто высокому начальству приходилось делать усилие, чтобы «не терять его из виду», а непосредственным его начальником оказался сельский староста, ему надо было даже отчитываться перед ним. И, чего доброго, его единственным сослуживцем станет сельский полицейский! Тут, безусловно, крылись противоречия настолько явные, что их, без сомнения, внесли в письмо нарочно. К. сразу отбросил безумную по отношению к столь высокой инстанции мысль, что у них были какие-то колебания. Скорее, он видел тут открыто предложенный ему выбор – ему предоставлялось сделать свои выводы из содержания письма: желает ли он стать работником в Деревне, с постоянно подчеркиваемой, но на самом деле только кажущейся связью с Замок, или же он хочет только внешне считаться работником Деревни, а на самом деле всю свою работу согласовывать с указаниями из Замка, передаваемыми Варнавой. К. не задумывался – выбор был ясен, он бы сразу решился, даже если бы за это время ничего не узнал. Только работая в Деревне, возможно дальше от чиновников Замка, сможет он хоть чего-то добиться в Замке, да и те жители Деревни, которые пока еще так недоверчиво к нему относились, заговорят с ним иначе, когда он станет если не их другом, то хотя бы их односельчанином, и когда он перестанет отличаться от Герстекера или Лаземана – а такая перемена должна наступить как можно скорее, от этого все зависело, – тогда перед ним сразу откроются все пути, которые были для него не только заказаны, но и незримы, если бы он рассчитывал на господ оттуда, сверху, и на их милость. Правда, тут таилась одна опасность, и в письме она была достаточно подчеркнута, даже с некоторым злорадством, словно избежать ее было невозможно. Это – положение рабочего. Служба, начальник, условия заработной платы, отчетность, работник – этими словами так и пестрело письмо, и даже когда речь шла о чем-то более личном, все равно и об этом говорилось с той же точки зрения. Если К. захочет стать рабочим, он может им стать, но уж тогда бесповоротно и всерьез, без всяких других перспектив. К. понимал, что никакой прямой угрозы тут нет, этого он не боялся, но, конечно, его удручала обстановка, привычка к постоянным разочарованиям, тяжелое, хоть и незаметное влияние каждой прожитой так минуты, и с этой опасностью он должен был вступить в борьбу. Письмо не обходило молчанием, что если этой борьбе суждено начаться, то К. уже имел смелость в нее вступить: сказано об этом было с тонкостью, и только человек с беспокойной совестью – именно беспокойной, а не нечистой! – мог это вычитать в трех словах, касавшихся его приема на работу: «как вам известно». К. доложил о себе, и с этого момента, говорилось в письме, он, как ему известно, был принят.

Сняв одну из картинок со стены, К. повесил письмо на гвоздик; в этой каморке ему жить, тут пусть и висит письмо.

Затем он спустился в зал. Варнава сидел с помощниками за столиком.

– Ага, вот ты где, – сказал К. без всякого повода – он просто обрадовался, увидев Варнаву.

Тот сразу вскочил. И все крестьяне тоже вскочили с мест при входе К. и стеснились вокруг него, видно, у них уже вошло в привычку ходить за ним по пятам.

– Чего вам от меня нужно? – крикнул К.

Они не рассердились и медленно вернулись на свои места. Отходя, один из них сказал, как бы в объяснение, мимоходом, с непонятной усмешкой, отразившейся и на других лицах:

– Того и гляди услышишь какую-нибудь новость, – и облизнулся, как будто новость можно было съесть.

К. воздержался от дружеского слова, ему нравилось, что он внушал к себе уважение, но стоило ему сесть рядом с Варнавой, как он почувствовал, что кто-то дышит ему в затылок: крестьянин сказал, что пришел взять соль. Но К. так на него топнул, что тот убежал без солонки. Было действительно нетрудно вывести К. из себя, стоило только напустить на него этих крестьян, их упрямое участие казалось еще хуже, чем замкнутость других, и кроме того, они были достаточно замкнуты: если бы К. сел к их столу, они бы немедленно поднялись и ушли бы. Только присутствие Варнавы мешало ему учинить скандал. Все же он угрожающе повернулся к ним, да и все они повернулись к нему. Но когда он увидел, как они все сидят, каждый на своем месте, не разговаривая друг с другом, без всякого видимого общения, связанные только тем, что все они не спускали с него глаз, ему показалось, что они преследуют его вовсе не из злого умысла; может быть, они и вправду хотели от него чего-то добиться, только сказать не умели, а может быть, все это было простым ребячеством, которое тут как будто всем было свойственно: разве не ребячливо вел себя сам хозяин – держа обеими руками стакан пива, предназначенный одному из посетителей, он устался на К. и не слышал оклика хозяйки, высунувшейся из кухонного окошечка.

Уже спокойнее обратился К. к Варнаве. Он охотно удалил бы своих помощников, но не мог найти предлог. Впрочем, они молча уткнули глаза в свое пиво.

– Насчет письма, – сказал К. – Я его прочел. Ты знаешь содержание?

– Нет, – сказал Варнава, и его взгляд говорил больше, чем его ответ. Может быть, К. ошибочно видел в нем слишком много хорошего, как в крестьянах – плохое, но ему было приятно его присутствие.

– Там и о тебе идет речь – тебе придется время от времени передавать сведения от меня начальству и обратно, потому я и решил, что ты знаешь содержание письма.

– Мне только поручили передать письмо, – сказал Варнава, – и дожидаться, пока его прочтут; если тебе понадобится – отнести устный или письменный ответ.

– Отлично, – сказал К., – в письменном ответе нужды нет, передай господину начальнику – кстати, как его звать? Подпись я не разобрал.

– Кламм, – ответил Варнава.

– Так вот, передай господину Кламму мою благодарность за прием, а также за его исключительную любезность. Как человек, еще ничем себя не зарекомендовавший, я особенно это ценю. Я готов безоговорочно подчиниться его указаниям. Никаких особых желаний у меня нет.

Варнава выслушал все внимательно и попросил разрешения повторить поручение. К. разрешил, Варнава все повторил слово в слово. Потом он встал и хотел попрощаться.

К. все время всматривался в его лицо, а тут он посмотрел на него еще пристальней. Ростом Варнава был не выше К., и все же казалось, что смотрел он на него сверху, хотя и очень смиренно, – немыслимо было представить себе, чтобы этот человек хотел кого-нибудь унижить. Правда, он был только посыльным, не знал даже содержания письма, порученного ему, но в его взгляде, в улыбке, в походке крылась тоже какая-то весть, хоть он о ней и не подозревал. И К. протянул ему руку, что его явно удивило – он хотел ограничиться простым поклоном.

И как только он вышел – а прежде чем открыть двери, он еще на миг прислонился плечом к косяку и обвел комнату взглядом, ни к кому в отдельности не относившимся, – К. сказал помощникам:

– Сейчас принесу из комнаты свои записи, и обсудим план работы.

Они хотели было пойти с ним, но К. сказал им:

– Оставайтесь.

А когда они все же собрались идти за ним, он повторил приказ еще строже. В прихожей Варнавы уже не было. А ведь он только что вышел. Но и перед домом – снова пошел снег – К. его не увидел. Он крикнул:

– Варнава!

Никакого ответа. Может быть, он еще в доме? Это казалось единственной возможностью. Но все-таки К. изо всех сил окликнул его по имени. Имя громом прокатилось в темноте. И уже издали послышался слабый отклик – так далеко ушел Варнава. К. снова позвал его к себе, и сам пошел ему навстречу; когда они встретились, постоялый двор уже не был виден.

– Варнава, – сказал К. и не мог сдержать дрожь в голосе. – Я хотел тебе еще кое-что сказать. По-моему, очень неудачно придумано, что моя связь с Заком зависит только от твоих случайных приходов. И если бы я сейчас тебя не догнал – а ты просто летаешь, я думал, что ты еще в доме, – то кто его знает, сколько мне пришлось бы ждать, пока ты снова появишься.

– Но ведь ты можешь попросить начальника, чтобы я приходил в определенное время, когда ты назначишь, – сказал Варнава.

– И этого недостаточно, – сказал К. – Может быть, мне целый год нечего будет передать, а потом вдруг через четверть часа после твоего ухода возникнет что-нибудь неотложное.

– Так что же, – сказал Варнава, – доложить начальнику, чтобы он наладил с тобой другую связь, не через меня?

– Нет-нет, – сказал К., – вовсе нет, это я так, мимоходом, ведь сейчас, к счастью, я тебя догнал.

– Не вернуться ли нам на постоялый двор, – сказал Варнава, – чтобы ты мне там дал новое поручение? – И он уже шагнул обратно ко двору.

– Не стоит, Варнава, – сказал К., – лучше я провожу тебя немного.

– Почему ты не хочешь вернуться туда? – спросил Варнава.

– Мне там народ мешает, – сказал К. – Ты сам видел, какие они назойливые, эти крестьяне.

– Можно пройти к тебе в комнату, – сказал Варнава.

– Да это каморка для прислуги, – сказал К., – там грязно, душно, для того я и пошел за тобой, чтобы там не сидеть. Только разреши мне, – продолжал К., стараясь побороть смущение, – разреши взять тебя под руку, ты идешь уверенней. – И К. взял его под руку. Было совсем темно, его лица К. не видел, вся его фигура неясно вырисовывалась в темноте, но К. постарался осязательно найти его руку.

Варнава не противился, и они пошли прочь от постоялого двора. Правда, К. чувствовал, что, несмотря на величайшие усилия, он не мог идти в ногу с Варnavой и задерживал его и что в обычной обстановке это незначительное обстоятельство могло бы все погубить, особенно если бы они попали в те проулки, где днем плутал в снегу К. и откуда теперь Варнаве пришлось бы выносить его на руках. Но К. старался не думать об этом, утешенный, кстати, и тем, что Варнава молчал, а раз они не разговаривали, значит, и для Варнавы оставалась только одна цель – идти вместе вперед.

Так они шли, но куда именно – К. не понимал: он ничего не мог узнать. Он даже не знал, прошли они церковь или нет. Приходилось затрачивать столько усилий на ходьбу, что своими мыслями он уже не владел. Вместо того чтобы сосредоточиться на одном, мысли путались в голове. Непрестанно всплывали родные места, воспоминания переполняли его. И там на главной площади тоже стояла церковь, к ней с одной стороны примыкало кладбище, окруженное высокой оградой. Мало кто из мальчишек побывал на этой ограде, и К. еще не удалось туда забраться. Не любопытство гнало туда ребят – никакой тайны для них на кладбище не было. Не раз они туда заходили сквозь решетчатую дверцу, но им очень хотелось одолеть высокую гладкую ограду. И однажды днем – затихшая пустая площадь была залита солнцем, К. никогда ни раньше, ни позже не видел ее такой – ему неожиданно повезло: в том месте, где он так

часто срывался, он с первой попытки залез наверх, держа в зубах флажок. Еще не осыпались камушки из-под ног, а он уже сидел наверху. Он воткнул флажок, ветер натянул материю, он поглядел вниз, и вокруг, и даже через плечо, на ушедшие в землю кресты, и не было на свете никого храбрее, чем он. Случайно проходивший мимо учитель сердитым взглядом согнал К. с ограды. Соскакивая вниз, К. повредил себе колено, с трудом доковылял до дому, но на ограду он все-таки взобрался. Ощущение этой победы, как ему тогда казалось, будет всю жизнь служить ему поддержкой, и это было не так глупо: даже сейчас, через много лет, в снежную ночь, об руку с Варнавой, пришло оно на память.

Он крепче оперся на Варнаву – тот почти тащил его, оба не прерывали молчания. О пройденном пути К. мог судить только по состоянию дороги; ни в какие переулки они не сворачивали. Он решил про себя, что любые трудности, даже страх обратного пути, не заставят его остановиться. Пусть его хоть волоком тащат – у него хватит сил выдержать и это. Неужели дороге нет конца? Днем Замок казался ему легкодоступной целью, а посыльный, наверно, знает самый короткий путь туда.

Вдруг Варнава остановился. Где они? Разве дальше ходу нет? Может быть, Варнава хочет распрощаться с К.? Нет, это ему не удастся. К. так крепко вцепился в руку Варнавы, что ему самому стало больно. Или, может быть, случилось самое невероятное и они уже пришли в Замок или стоят у его ворот! Но, насколько К. понимал, они совсем не подымались в гору. Или Варнава провел его по другой, пологой дороге?

– Где мы? – спросил К. больше про себя, чем вслух.

– Дома, – сказал Варнава так же тихо.

– Дома?

– Смотри не поскользнься, сударь, тут спуск.

– Спуск?

– Тут всего два-три шага, – добавил Варнава и уже стучал в дверь.

Им открыла девушка, и они очутились на пороге большой комнаты, почти в темноте – только над столом, слева в углу, висела крошечная керосиновая лампочка.

– Кто это с тобой, Варнава? – спросила девушка.

– Землемер, – ответил тот.

– Землемер, – громче повторила девушка, обращаясь к сидевшим за столом. Оттуда поднялись двое стариков – мужчина и женщина – и еще одна девушка. Они поздоровались с К. Варнава представил ему всех – это были родители и его сестры, Ольга и Амалия. К. едва взглянул в их сторону. С него сняли мокрое пальто и повесили сушить у печки; К. не сопротивлялся.

Значит, они вовсе не к цели пришли, просто Варнава вернулся к себе домой. Но зачем они зашли к нему? К. отвел Варнаву в сторону и спросил:

– Зачем ты пришел домой? Или вы живете в пределах Замка?

– В пределах Замка, – повторил Варнава, словно не понимая, что говорит К.

– Варнава, – сказал К., – ты же хотел из постоянного двора идти прямо в Замок.

– Нет, сударь, – сказал Варнава, – я хотел идти домой, я только утром хожу в Замок, я там никогда не ночую.

– Вот оно что, – сказал К., – значит, ты не собирался идти в Замок, ты шел сюда? – Улыбка Варнавы показалась ему бледнее, сам он – незначительней. – Почему же ты меня не предупредил?

– Да ты меня и не спрашивал, – сказал Варнава, – ты только хотел дать мне еще поручение, но не в общей комнате и не в своей каморке, вот я и подумал, что тут, у моих родителей, тебе никто не помешает передать мне все, что надо. Сейчас они все выйдут, если ты прикажешь, а если тебе у нас больше нравится, ты и переночевать можешь тут. Разве я что-нибудь сделал не так?

К. ничего ответить не мог. Значит, все это обман, подлый, низкий обман, а К. так ему поддался. Околдовала его узкая шелковистая куртка Варнавы, а сейчас тот расстегнул пуговицы, и снизу вылезла грубая грязно-серая латаная и перелатанная рубаша, обтягивавшая мощную угловатую костистую грудь батрака. И вся обстановка не только ничему не противоречила, но еще ухудшала впечатление, и старый подагрик-отец, передвигавшийся скорее ощупью, при помощи рук, медленно шаркая окостеневшими ногами, и мать со сложенными на груди руками, еле-еле семенившая мелкими шажками из-за невероятной своей толщины. Оба они – и отец и мать – сразу, как только К. вошел, двинулись ему навстречу, но все еще никак не могли подойти поближе. Обе сестры – блондинки, похожие друг на друга и на Варнаву, только грубее чертами лица, высокие плотные девки – обступили пришедших, дожидаясь хоть какого-нибудь приветствия от К. Но он ничего не мог выговорить: ему казалось, что тут, в Деревне, каждый человек что-то для него значил, да наверно, так оно и было, и только эти люди никак его не касались. И если бы он мог самостоятельно найти дорогу на постоянный двор, он тотчас же ушел бы отсюда. Его никак не привлекала возможность пойти в Замок с Варнавой утром. Он хотел бы проникнуть туда вместе с Варнавой незаметно, ночью, да и с тем Варнавой, каким он ему раньше казался, с человеком, который был ему ближе всех, кого он до сих пор здесь встречал, и о котором он, кроме того, думал, будто он, вопреки своей скромной с виду должности, тесно связан с замком. Но с членом подобного семейства, с которым он так неотъемлемо был связан – он уже сидел с ним за столом, – с человеком, которому явно не разрешалось даже ночевать в замке, с ним об руку среди бела дня явиться в Замок было невыносимо – смешное, безнадежное предприятие.

К. присел на подоконник, решив провести так всю ночь и вообще никаких услуг от этого семейства не принимать. Жители Деревни, которые его прогоняли или испытывали перед ним страх, казались ему гораздо менее опасными: они, в сущности, предоставляли его самому себе и тем помогали внутренне собрать все свои силы, но такие мнимые помощники, которые, вместо того чтобы отвести его в Замок, слегка замаскировавшись, вели к себе домой, такие люди его сбивали с пути, волей или неволей подтачивали его силы. На приглашение сесть к семейному столу К. не обратил внимания и, опустив голову, остался на своем подоконнике.

Тогда Ольга, более мягкая из сестер, даже с некоторой девичьей робостью, встала и, подойдя к К., попросила его к столу. Хлеб и сало уже нарезаны, пиво она сейчас принесет.

– Откуда? – спросил К.

– Из трактира, – сказала она.

К. обрадовался случаю. Он попросил ее не приносить пива, а просто проводить его до постоянного двора, у него там осталась важная работа. Однако выяснилось, что она собирается идти не так далеко, не на его постоянный двор, а в другую, гораздо более близкую гостиницу «Господский двор». Но К. все же попросился проводить ее, быть может, подумал он, там найдется место переночевать: какое бы оно ни было, он предпочел бы его самой лучшей кровати в этом доме. Ольга ответила не сразу и оглянулась на стол. Ее брат встал, кивнул с готовностью и сказал:

– Что же, если господину так угодно!

Это согласие едва не заставило К. отказаться от своей просьбы: если Варнава соглашается, значит, это бесполезно. Но когда начали обсуждать, впустят ли К. вообще в гостиницу, и все высказали сомнение, К. стал настойчиво просить взять его с собой, даже не стараясь выдумать благовидный предлог для такой просьбы, – пусть это семейство принимает его таким, какой он есть, он почему-то их совсем не стеснялся. Немного сбивала его только Амалия своим серьезным, прямым, неуступчивым, даже чуть туповатым взглядом. Во время недолгой дороги к гостинице – К. вцепился в Ольгу, иначе он не мог, и она его почти тащила, как раньше тянул ее брат, – он узнал, что эта гостиница, в сущности, предназначена для господ из замка, когда дела приводят их в Деревню, они там обедают, а иногда и ночуют. Ольга говорила с К. тихо

и как бы доверительно, было приятно идти с ней, почти как раньше с ее братом. И хотя К. не хотел поддаваться этому радостному ощущению, но отделаться от него не мог.

Глава третья

Фрида

Гостиница была внешне очень похожа на постоялый двор, где остановился К. Видно, в Деревне вообще больших внешних различий ни в чем не делали, но какие-то мелкие различия замечались сразу – крыльцо было с перилами, над дверью висел красивый фонарь. Когда они входили, над ними затрепетал кусок материи – это было знамя с графским гербом. В прихожей они сразу натолкнулись на хозяина, обходившего, как видно, помещения: своими маленькими глазками то ли сонно, то ли пристально он мимоходом оглядел К. и сказал:

– Господину землемеру разрешается входить только в буфет.

– Конечно, – сказала Ольга, тут же вступаясь за К., – он только провожает меня.

Но неблагодарный К. отнял руку у Ольги и отвел хозяина в сторону. Ольга терпеливо осталась ждать в углу прихожей.

– Я бы хотел здесь переночевать, – сказал К.

– К сожалению, это невозможно, – сказал хозяин, – вам, очевидно, ничего не известно.

Гостиница предназначена исключительно для господ из Замка.

– Может быть, таково предписание, – сказал К., – но пристроить меня на ночь где-нибудь в уголке, наверно, можно.

– Я был бы чрезвычайно рад пойти вам навстречу, – сказал хозяин. – Но, не говоря уже о строгости предписания, о котором вы судите как посторонний человек, выполнить вашу просьбу невозможно еще потому, что господа из Замка чрезвычайно щепетильны, и я убежден, что один вид чужого человека, особенно без предупреждения, будет им невыносим. Если я вам позволю тут переночевать, а вас случайно – ведь случай всегда держит сторону господ – увидят тут, то не только я пропаду, но и вы сами тоже. Звучит нелепо, но это чистая правда.

Этот высокий, застегнутый на все пуговицы человек, который, уперев одну руку в стену, а другую в бок, скрестив ноги и слегка наклонившись к К., разговаривал с ним так доверительно, казалось, не имел никакого отношения к Деревне, хотя его темная одежда походила на праздничное платье крестьянина.

– Я вам вполне верю, – сказал К., – да и важность предписания я никак не преуменьшаю, хотя и выразился несколько неловко. Но я хотел бы обратить ваше внимание только на одно: у меня в Замке значительные связи, и они вскоре станут еще значительнее, а это вас защитит от опасности, которая может возникнуть из-за моей ночевки тут, и мои знакомства вам порукой в том, что я в состоянии полностью отплатить за любую, хотя бы мелкую услугу.

– Знаю, – сказал хозяин и повторил еще раз: – Это я знаю.

К. уже хотел уточнить свою просьбу, но слова хозяина сбили его, и он только спросил:

– А много ли господ из Замка ночует сегодня у вас?

– В этом отношении сегодня удачный день, – сказал хозяин как-то задумчиво, – сегодня остался только один господин.

Но К. все еще не решался настаивать, хотя надеялся, что его уже почти приняли, и он только осведомился о фамилии господина из Замка.

– Кламм, – сказал хозяин мимоходом и обернулся навстречу своей жене, которая выплыла, шумя очень поношенным, старомодным платьем, – перегруженное множеством рюшей и складок, платье все же выглядело вполне нарядно, оно было городского покроя. Она пришла за хозяином – господин начальник что-то желает ему сказать. Уходя, хозяин обернулся к К., словно решать вопрос о ночевке должен не он, а сам К. Но К. ничего не мог ему сказать, он совершенно растерялся, узнав, что именно его начальник оказался тут. Не отдавая себе отчета, он чувствовал себя гораздо более связанным присутствием Кламма, чем предписаниями Замка. К. вовсе не боялся быть тут пойманным в том смысле, как это понимал хозяин,

но для него это было бы неприятной бестактностью, как если бы он из легкомыслия обидел человека, которому он обязан благодарностью; вместе с тем его очень удручало, что в этих его колебаниях уже явно сказывалось столь пугавшее его чувство подчиненности, зависимости от работодателя и что даже тут, где это ощущение было таким отчетливым, он никак не мог его побороть. Он стоял, кусая губы, и ничего не говорил. Прежде чем исчезнуть за дверью, хозяин еще раз обернулся и взглянул на К. Тот посмотрел ему вслед, не двигаясь с места, пока не подошла Ольга и не потянула его за собой.

– Что тебе понадобилось от хозяина? – спросила Ольга.

– Хотел здесь переночевать, – сказал К.

– Но ведь ты ночуешь у нас? – удивилась Ольга.

– Да, конечно, – сказал К. и предоставил ей самой разобраться в смысле этих слов.

В буфете – большой, посредине совершенно пустой комнате – у стен около пивных бочек и на них сидели крестьяне, но совершенно другие, чем на постоялом дворе, где остановился К. Они были одеты чище, в серо-желтых, грубой ткани платьях, с широкими куртками и облегчающими штанами. Все это были люди небольшого роста, очень похожие с первого взгляда друг на друга, с плоскими, костлявыми, но румяными лицами. Сидели они спокойно, почти не двигаясь, и только неторопливым и равнодушным взглядом следили за вновь пришедшими. И все же оттого, что их было так много, а кругом стояла такая тишина, они как-то подействовали на К. Он снова взял Ольгу под руку, как бы объясняя этим свое появление здесь. Из угла поднялся какой-то мужчина, очевидно, знакомый Ольги, и хотел к ней подойти, но К., прижав ее руку, повернул ее в другую сторону. Никто, кроме нее, этого не заметил, а она не противилась и только с улыбкой покосилась в сторону.

Пиво разливала молоденькая девушка по имени Фрида. Это была невзрачная маленькая блондинка с печальными глазами и запавшими щеками, но К. был поражен ее взглядом, полным особого превосходства. Когда ее глаза остановились на К., ему показалось, что она этим взглядом уже разрешила многие вопросы, касающиеся его. И хотя он сам и не подозревал об их существовании, но ее взгляд убеждал его, что они существуют. К. все время смотрел на Фриду издали, даже когда она заговорила с Ольгой. Дружбы между Ольгой и Фридой явно не было, они только холодно обменялись несколькими словами. К. хотел их подбодрить и потому непринужденно спросил:

– А вы знаете господина Кламма?

Ольга вдруг расхохоталась.

– Чего ты смеешься? – раздраженно спросил К.

– Вовсе я не смеюсь, – сказала она, продолжая хохотать.

– Ольга еще совсем ребенок, – сказал К. и перегнулся через стойку, чтобы еще раз поймать взгляд Фриды.

Но она опустила глаза и тихо сказала:

– Хотите видеть господина Кламма?

К. спросил, как это сделать. Она показала на дверь тут же, слева от нее.

– Тут есть глазок, можете через него посмотреть.

– А что скажут эти люди? – спросил К., но она только презрительно выдвинула нижнюю губку и необычайно мягкой рукой потянула К. к двери. И через маленький глазок, явно проделанный для наблюдения, он увидел почти всю соседнюю комнату.

За письменным столом посреди комнаты в удобном кресле с круглой спинкой сидел, ярко освещенный висящей над головой лампой, господин Кламм. Это был толстый, среднего роста, довольно неуклюжий господин. Лицо у него было без морщин, но щеки под тяжестью лет уже немного обвисли. Черные усы были вытянуты в стрелку. Криво насаженное пенсне поблескивало, закрывая глаза. Если бы Кламм сидел прямо у стола, К. видел бы только его профиль, но, так как Кламм резко повернулся в его сторону, он смотрел прямо ему в лицо. Левым лок-

тем Кламм опирался о стол, правая рука с зажатой в ней сигарой покоилась на колене. На столе стоял бокал с пивом, но у стола был высокий бортик, и К. не мог разглядеть, лежали ли там какие-нибудь бумаги, но ему показалось, что там ничего нет. Для пущей уверенности он попросил Фриду заглянуть в глазок и сказать ему, что там лежит. Но она и без того подтвердила ему, что никаких бумаг там нет, она только недавно заходила в эту комнату. К. спросил Фриду, не уйти ли ему, но она сказала, что он может смотреть сколько ему угодно. Теперь К. остался с Фридой наедине. Ольга, как он заметил, пробралась к своему знакомому и теперь сидела на бочке, болтая ногами.

– Фрида, – шепотом спросил К., – вы очень хорошо знакомы с господином Кламмом?

– О да! – сказала она. – Очень хорошо.

Она наклонилась к К. и игриво, как показалось К., поправила свою легкую открытую кремовую блузку, словно с чужого плеча попавшую на ее жалкое тельце. Потом она сказала:

– Вы помните, как рассмеялась Ольга?

– Да, она плохо воспитана, – сказал К.

– Ну, – сказала Фрида примирительно, – у нее были основания для смеха. Вы спросили, знаю ли я Кламма, а ведь я... – И она невольно выпрямилась, и снова ее победный взгляд, совершенно не соответствующий их разговору, остановился на К. – Ведь я его любовница.

– Любовница Кламма? – сказал К., и она кивнула. – О, тогда вы для меня... – И К. улыбнулся, чтобы не вносить излишнюю серьезность в их отношения. – Вы для меня важная персона.

– И не только для вас, – сказала Фрида любезно, но не отвечая на его улыбку. Однако К. нашел средство против ее высокомерия.

– А вы уже были в Замке? – спросил он. Это не подействовало, потому что она сказала:

– Нет, не была, но разве мало того, что я работаю здесь в буфете?

Честолюбие у нее было невероятное, и, как ему показалось, она хотела его удовлетворить именно через К.

– Верно, – сказал К., – вы тут в буфете, должно быть, работаете за хозяина.

– Безусловно, – сказала она, – а ведь сначала я была скотницей на постоялом дворе «У моста».

– С такими нежными ручками? – сказал К. полувопросительно, сам не зная, хочет ли он ей польстить или на самом деле очарован ею. Руки у нее и вправду были маленькие и нежные, хотя можно было их назвать и слабыми и невыразительными.

– Тогда на них никто не обращал внимания, – сказала она, – и даже теперь...

К. вопросительно посмотрел на нее, но она только тряхнула головой и ничего больше не сказала.

– Конечно, – сказал К., – у вас есть свои секреты, но не станете же вы делиться ими с человеком, с которым вы всего полчаса как познакомились, да и у него еще не было случая рассказать вам все о себе.

Но это замечание, как оказалось, было не совсем удачным: оно словно пробудило Фриду из какого-то оцепенения, выгодного для К. Она тут же вынула из кожаного кармашка, висевшего на поясе, круглую затычку, заткнула глазок и сказала К., явно стараясь не показывать ему перемену в отношении:

– Что касается вас, я все знаю. Вы землемер. – И добавила: – А теперь мне надо работать. – И пошла на свое место за стойкой, куда уже подходили то один, то другой из посетителей, прося ее наполнить пустую кружку.

К. хотел незаметно переговорить с ней еще раз, поэтому он взял со стойки пустую кружку и подошел к ней.

– Еще одно слово, фройляйн Фрида, – сказал он. – Ведь это необыкновенное достижение – и какая нужна сила воли, чтобы из простой батрачки стать буфетчицей, – но разве для

такого человека, как вы, этим достигнута окончательная цель? Впрочем, я зря спрашиваю. По вашим глазам, фройляйн Фрида, пожалуйста, не смейтесь надо мной, видна не только прошлая, но и будущая борьба. Но в мире столько препятствий, и чем выше цель, тем препятствия труднее, и нет ничего зазорного, если вы обеспечите себе помощь человека хоть и незначительного, невлиятельного, но тоже ведущего борьбу. Может быть, мы могли бы с вами поговорить спокойно, наедине, а то смотрите, как все на нас уставилось.

– Не понимаю, что вам от меня нужно, – сказала она, и в ее голосе против воли зазвучала не радость жизненных побед, а горечь бесконечных разочарований. – Уж не хотите ли вы отбить меня у Кламма? О Господи! – И она всплеснула руками.

– Вы меня разгадали, – сказал К., словно ему наскучило вечное недоверие, – именно таков был мой тайный замысел. Вы должны бросить Кламма и стать моей любовницей. Что ж, теперь я могу уйти. Ольга! – крикнул К. – Идем домой!

Ольга послушно скользнула на пол с бочонка, но ее тут же окружили приятели и не отпускали. Вдруг Фрида сказала тихо, угрожающе посмотрев на К.:

– Когда же я могу с вами поговорить?

– А мне можно тут переночевать? – спросил К.

– Да, – сказала Фрида.

– Значит, можно остаться?

– Выйдите с Ольгой, чтобы я могла убрать этих людей. Потом можете вернуться.

– Хорошо, – сказал К., в нетерпении поджидая Ольгу.

Но крестьяне не выпускали ее, они затеяли пляску, окружив Ольгу кольцом; под выкрики, по очереди выскакивая из круга, крепко обнимали ее за талию и несколько раз кружили на месте; хоровод неся все быстрее, крики, жадные, хриплые, сливались в один. Сначала Ольга со смехом пыталась прорваться сквозь круг, но теперь, с растрепанными волосами, только перелетала из рук в руки.

– Вот каких людей ко мне посылают! – сказала Фрида, сердито покусывая тонкие губы.

– А кто они такие? – спросил К.

– Слуги Кламма, – ответила Фрида. – Вечно он приводит их за собой, а я так расстраиваюсь. Сама не знаю, о чем я сейчас с вами говорила, господин землемер, и если что не так – простите меня, и все из-за этих людей. Никого хуже, отвратительнее я не знаю, и такому сброду я вынуждена подавать пиво. Сколько раз я просила Кламма оставлять их дома, уж если мне приходится терпеть слуг всех других господ, то хотя бы он мог бы меня уважать, но никакие просьбы не помогают, за час до его прихода они врываются сюда, как скотина в хлев. Но сейчас я их прогоню на конюшню – там им и место. Если бы вас тут не было, я бы сейчас же распахнула эти двери – пусть Кламм сам их выгоняет.

– А разве он ничего не слышит? – спросил К.

– Нет, – сказала Фрида. – Он спит.

– Как? – воскликнул К. – Спит? Но когда я заглядывал в комнату, он сидел за столом и вовсе не спал.

– А он всегда так сидит, – сказала Фрида. – Когда вы на него смотрели, он уже спал. Разве я иначе позволила бы вам туда заглядывать? Он часто спит в таком положении, вообще, эти господа много спят, даже непонятно почему. Впрочем, если бы он столько не спал, как бы он мог вытерпеть этих людишек? Теперь мне самой придется их выгонять.

Она взяла кнут из угла и одним прыжком, неуверенным, но высоким – так прыгают барашки, – подскочила к плясавшим. Сначала они решили, что прибавилась еще одна танцовка, и вправду было похоже, будто Фрида сейчас бросит кнут, но она его сразу подняла вверх.

– Именем Кламма! – крикнула она. – На конюшню! Все – на конюшню!

Тут они поняли, что с ними не шутят: в непонятном для К. страхе отступили назад, под чьим-то толчком там открылись двери, повеяло ночным воздухом, и все исчезли вместе с Фридой, которая, очевидно, загоняла их через двор на конюшню.

Во внезапно наступившей тишине К. вдруг услышал шаги в прихожей. Ища укрытия, К. метнулся за стойку – единственное место, где можно было спрятаться. Правда, ему не запрещалось находиться в буфете, но так как он тут собирался переночевать, то не стоило попадаться кому-нибудь на глаза. Поэтому, когда дверь действительно открылась, он нырнул под стойку. И хотя там ему тоже грозила некоторая опасность быть замеченным, но все-таки можно было довольно правдоподобно оправдаться тем, что он спрятался от разбушевавшихся крестьян. Вошел хозяин.

– Фрида! – крикнул он и стал ходить взад и вперед по комнате.

К счастью, Фрида скоро вошла, ни словом не упомянув о К., пожаловалась на слуг, а потом прошла за стойку, надеясь там найти К. Он дотронулся до ее ноги и почувствовал себя в безопасности. Так как Фрида ничего о К. не сказала, о нем заговорил хозяин.

– А где же землемер? – спросил он. По всей видимости, он вообще был человек вежливый, с хорошими манерами, благодаря постоянному и сравнительно свободному общению с вышестоящими господами, но с Фридой он говорил особо почтительным тоном, и это бросалось в глаза, потому что он продолжал оставаться работодателем, а она его служанкой, хотя, надо сказать, весьма дерзкой служанкой.

– Про землемера я совсем забыла, – сказала Фрида и поставила свою маленькую ножку на грудь К. – Наверно, он давным-давно ушел.

– Но я его не видел, – сказал хозяин, – хотя все время стоял в передней.

– А здесь его нет, – холодно сказала Фрида.

– Может быть, он спрятался, – сказал хозяин. – Судя по его виду, от него можно ждать чего угодно.

– Ну на это у него смелости не хватит, – сказала Фрида и крепче прижала К. ногой. Что-то в ней было веселое, вольное, чего К. раньше и не заметил, и все это вспыхнуло еще неожиданней, когда она внезапно проговорила со смехом: – А вдруг он спрятался тут, внизу? – Наклонилась к К., чмокнула его мимоходом и, вскочив, сказала с огорчением: – Нет, тут его нету.

Но и хозяин удивил К., когда вдруг сказал:

– Мне очень неприятно, что я не знаю наверняка, ушел он или нет. И дело тут не только в господине Кламме, дело в предписании. А предписание касается и вас, фройляйн Фрида, так же, как и меня. За буфет отвечаете вы, остальные помещения я обыщу сам. Спокойной ночи! Приятного сна.

Не успел он уйти из комнаты, как Фрида уже очутилась под стойкой, рядом с К.

– Мой миленький! Сладкий мой! – зашептала она, но даже не коснулась К.; словно обесилев от любви, она лежала на спине, раскинув руки; видно, в этом состоянии счастливой влюбленности время ей казалось бесконечным, и она скорее зашептала, чем запела какую-то песенку. Вдруг она встрепенулась – К. все еще лежал неподвижно, погруженный в свои мысли, – и стала по-ребячески теревить его: – Иди же, здесь внизу можно задохнуться!

Они обнялись, маленькое тело горело в объятиях у К.; в каком-то тумане, из которого К. все время безуспешно пытался выбраться, они прокатились несколько шагов, глухо ударились о двери Кламма и затихли в лужах пива и среди мусора на полу. И потекли часы, часы общего дыхания, общего сердцебиения, часы, когда К. непрерывно ощущал, что он заблудился или уже так далеко забрел на чужбину, как до него не забредал ни один человек, – на чужбину, где самый воздух состоял из других частиц, чем дома, где можно было задохнуться от этой отчужденности, но ничего нельзя было сделать с ее бессмысленными соблазнами – только уходить в них все глубже, теряться все больше. И потому, по крайней мере в первую минуту, не

угрозой, а, скорее, утешительным проблеском показался ему глубокий, повелительно-равнодушный голос, позвавший Фриду из комнаты Кламма.

– Фрида, – сказал К. ей на ухо, словно передавая зов.

С механическим, уже как бы врожденным послушанием Фрида хотела вскочить, но тут же опомнилась, сообразив, где она находится, потянувшись, тихо засмеялась и сказала:

– Да разве я к нему пойду, никогда я к нему больше не пойду!

К. хотел ее отговорить, хотел заставить ее пойти к Кламму, стал даже собирать обрывки ее блузки, но сказать ничего не мог – слишком он был счастлив, держа Фриду в объятиях, слишком счастлив и слишком перепуган, потому что ему казалось: уйди от него Фрида – и уйдет все, что у него есть. И, словно чувствуя поддержку К., Фрида вдруг сжала кулак, постучала в дверь и крикнула:

– А я с землемером! А я с землемером!

Кламм, конечно, сразу замолчал. Но К. встал, опустился возле Фриды на колени и оглядел комнату в тусклом предраассветном полумраке. Что случилось? Где его надежды? Чего мог он теперь ждать от Фриды, когда она так его выдала? Вместо того чтобы идти вперед осторожно, как того требовала значительность врага и цели, он целую ночь провалился в пивных лужах – теперь от вони кружилась голова.

– Что ты наделала? – сказал он вполголоса. – Теперь мы оба пропали.

– Нет, – сказала Фрида, – пропала только я одна, зато я тебя заполучила. Не беспокойся. Ты только посмотри, как эти двое смеются.

– Кто? – спросил К. и обернулся. На стойке сидели оба его помощника, немного сонные, но веселые; так весело бывает людям, честно выполнившим свой долг. – Чего вам тут надо? – закричал на них К., словно они во всем виноваты. Он оглянулся, ища кнут, который вечером был у Фриды.

– Должны же мы были найти тебя, – сказали помощники, – вниз к нам ты не пришел, тогда мы пошли искать тебя у Варнавы и наконец нашли вот тут. Пришлось просидеть здесь целую ночь. Да, служба у нас не из легких.

– Вы мне днем нужны, а не ночью, – сказал К. – Убирайтесь!

– А теперь уже день, – сказали они, не двигаясь с места.

И действительно, уже наступил день, двери открылись, крестьяне вместе с Ольгой, о которой К. совсем забыл, ввалились в буфет. Ольга была оживлена, как вечером, и, хотя и одежда и волосы у нее были в плачевном состоянии, она уже у дверей стала искать глазами К.

– Почему ты со мной не пошел к нам? – спросила она чуть ли не со слезами. – Да еще из-за такой бабенки! – добавила она и повторила эту фразу несколько раз.

Фрида, исчезнувшая на минутку, вошла с небольшим узелком белья. Ольга печально стояла в стороне.

– Ну теперь мы можем идти, – сказала Фрида. Было понятно, что она говорит о постоялом дворе «У моста» и собирается идти именно туда. К. встал рядом с Фридой, за ним – оба помощника. В таком порядке двинулись. Крестьяне с презрением смотрели на Фриду, что было вполне понятно – слишком строго она с ними обходилась до сих пор. Один даже взял палку и сделал вид, что не пропустит ее, если она не перепрыгнет через эту палку, но достаточно было одного ее взгляда, чтобы его отогнать. Выйдя на заснеженную улицу, К. облегченно вздохнул. Такое это было счастье – оказаться на свежем воздухе, что даже дорога показалась более сносной; а если бы К. снова очутился тут один, было бы еще лучше. Придя на постоялый двор, он сразу поднялся в свою каморку и лег на кровать, а Фрида постелила себе рядом, на полу. Вслед за ними в комнату проникли и помощники, их прогнали, но они влезли в окошко. К. слишком устал, чтобы еще раз их выгнать. Хозяйка собственной персоной поднялась вверх, чтобы поздороваться с Фридой, та ее называла «мамашей»; начались непонятно восторженные приветствия с поцелуями и долгими объятиями. Вообще покоя в этой каморке не было, то

и дело сюда забежали служанки, громко топая мужскими сапогами, что-то приносили, что-то уносили. А когда им нужно было что-то достать из битком набитой кровати, они бесцеремонно вытаскивали вещи из-под лежавшего там К. С Фридой они поздоровались как со своей. Все же, несмотря на беспокойство, К. пролежал весь день и всю ночь. Фрида ухаживала за ним. Когда он наконец встал на следующее утро, освеженный и отдохнувший, уже пошел четвертый день его пребывания в Деревне.

Глава четвертая

Первый разговор с хозяйкой

Он охотно поговорил бы с Фридой наедине, но помощники, с которыми, кстати, и Фрида то и дело перешучивалась и пересмеивалась, своим назойливым присутствием мешали ему. Спору нет, они были нетребовательными, пристроились в уголочке на двух старых женских юбках. Как они все время говорили Фриде, для них это дело чести – не мешать господину землемеру и занимать как можно меньше места, поэтому они все время, правда с хихиканьем и сюсюканьем, пробовали пристроиться потеснее, сплетались руками и ногами, скорчившись так, что в сумерках в углу виднелся только один большой клубок. К сожалению, днем становилось ясно, что они весьма внимательные наблюдатели и все время следят за К., даже когда они, словно в детской игре, приставляли к глазам сложенный кулак в виде подозрительной трубы и выкидывали всякие другие штуки или, мельком поглядывая на К., занимались своими бородами – они, как видно, очень ими гордились и непрестанно сравнивали, чья длиннее и гуще, призывая Фриду в судьи.

К. поглядывал, лежа на кровати, на возню всех троих с полным равнодушием.

Теперь, когда он почувствовал себя окрепшим и решил встать с постели, все трое наперебой начали за ним ухаживать. Но он еще не настолько окреп, чтобы сопротивляться их услугам. И хотя он понимал, что это ставит его в какую-то зависимость от них и может плохо кончиться, он ничего не мог поделать. Да и не так уж неприятно было пить вкусный кофе, принесенный Фридой, греться у печки, которую истопила Фрида, и посылать полных рвения помощников неуклюже бегать взад и вперед по лестнице за водой для умывания, за мылом, гребенкой и зеркалом и даже, поскольку К. об этом обмолвился, за рюмочкой рому.

И вот в то время, когда его обслуживали, а он командовал, К. вдруг сказал, больше от хорошего настроения, чем в надежде на успех:

– А теперь уходите-ка вы оба, мне пока ничего не нужно, и я хочу поговорить с фройляйн Фридой наедине. – И, увидев по их лицам, что они особенно сопротивляться не станут, добавил им в утешение: – А потом мы все втроем отправимся к старосте, подождите меня внизу.

К его удивлению, они послушались, уходя, сказали:

– Мы могли бы и здесь подождать, – на что К. ответил:

– Знаю, но не хочу.

К. не понравилось, но в каком-то смысле и обрадовало то, что Фрида, сразу после ухода помощников севшая к нему на колени, сказала:

– Милый, а почему ты так настроен против помощников? У нас не должно быть от них секретов, они люди верные.

– Ах, верные! – сказал К. – Да они же все время за мной подглядывают, это бессмысленно и гнусно.

– Кажется, я тебя понимаю, – сказала она и крепче обхватила его шею, хотела что-то сказать, но не смогла, и, так как стул стоял у самой кровати, они оба, покачнувшись, перекатились туда. Они лежали вместе, но уже не в той одержимости, что прошлой ночью. Чего-то искала она, и чего-то искал он, бешено, с искаженными лицами, вжимая головы в грудь друг друга, но их объятия, их вскидывающиеся тела не приносили им забвения, еще больше напоминая, что их долг – искать; и как собаки неистово роются в земле, так зарывались они в тела друг друга и беспомощно, разочарованно, чтобы извлечь хоть последний остаток радости, пробегали языками друг другу по лицу. Только усталость заставила их благодарно затихнуть. И тогда снова вошли служанки.

– Гляди, как они тут разлеглись! – сказала одна и прикрыла их из жалости платком.

Когда К. немного погодя высвободился из-под платка и оглянулся, его ничуть не удивило, что в своем углу уже сидели его помощники и, указывая пальцами на К., одергивая друг друга, салютовали ему; кроме того, у самой кровати сидела хозяйка и вязала чулок; эта мелкая работа никак не шла к ее необъятной фигуре, почти затемняющей свет в комнате.

– Я уже долго жду, – сказала она, подняв широкое, изрезанное многими старческими морщинами, но все же при всей массивности еще свежее и, вероятно, в прошлом красивое лицо. В ее словах звучал упрек, совершенно неуместный по той причине, что К. ее сюда вовсе и не звал. Он ответил на ее слова коротким кивком и поднялся с кровати. Встала и Фрида и, отойдя от К., прислонилась к стулу хозяйки.

– А нельзя ли, госпожа хозяйка, – рассеянно сказал К., – отложить наш разговор; подождите, пока я вернусь от старосты. Мне с ним надо обсудить важные дела.

– Это дело еще важнее, поверьте мне, господин землемер, – сказала хозяйка, – там дело касается работы, а тут – человека, Фриды, моей милой служаночки.

– Ах так, – сказал К. – Ну тогда, конечно. Только не понимаю, отчего бы не предоставить это дело нам с нею.

– Оттого, что я ее люблю, забочусь о ней, – сказала хозяйка и притянула к себе голову Фриды: та, стоя, доставала только до плеча сидящей хозяйки.

– Раз Фрида так вам доверяет, – сказал К., – то придется и мне. И так как Фрида только сейчас назвала моих помощников верными людьми, значит, мы тут все друзья. Так вот, хозяйка, должен вам сказать, что, по-моему, лучше всего нам с Фридой пожениться, причем как можно скорее. Жаль, очень жаль, что я никак не смогу возместить Фриде то, что она из-за меня потеряла, – и место в гостинице, и покровительство Кламма.

Фрида подняла голову, глаза у нее наполнились слезами, от победного выражения не осталось и следа.

– Почему я? Почему именно мне это выпало на долю?

– Что? – в один голос спросили К. и хозяйка.

– Растерялась бедная девочка, – сказала хозяйка, – растерялась, столько счастья и столько горя сразу!

И словно в подтверждение ее слов, Фрида бросилась на К., осыпая его безумными поцелуями, будто в комнате никого не было, и, прижимаясь к нему, разрыдалась и упала перед ним на колени. И в то время, как К. обеими руками гладил Фриду по голове, он спросил хозяйку:

– Вы, кажется, меня оправдываете?

– Вы честный человек, – сказала хозяйка, тоже со слезами в голосе; вид у нее был расстроенный, и она тяжело дышала, однако нашла в себе силы добавить: – Теперь надо только обдумать, какие гарантии вы должны дать Фриде, ведь, как бы я вас ни уважала, все-таки вы чужой человек, сослаться вам не на кого, ваше семейное положение нам неизвестно. Значит, дорогой мой господин землемер, вы должны понять, что гарантии необходимы, ведь вы сами подчеркнули, как много Фрида все же теряет от связи с вами.

– Разумеется, гарантии, конечно, – сказал К. – И вероятно, правильное всего будет заверить их у нотариуса, впрочем, в это, быть может, вмешаются и другие учреждения графской службы. Однако мне необходимо до свадьбы закончить еще кое-какие дела. Мне надо переговорить с Кламмом.

– Это невозможно! – сказала Фрида, привставая и крепче прижимаясь к К. – Что за странная мысль!

– Нет, это необходимо, – сказал К., – и если я сам не смогу этого добиться, то тебе придется помочь.

– Не могу, К., не могу, – сказала Фрида, – никогда Кламм с тобой разговаривать не станет. И как ты только можешь подумать, что Кламм будет с тобой говорить!

– А с тобой он станет разговаривать? – спросил К.

– Тоже нет, – сказала Фрида, – ни со мной, ни с тобой. Это совершенно невозможно. – Она обернулась к хозяйке, разводя руками: – Подумайте, хозяйка, чего он требует.

– Странный вы человек, господин землемер, – сказала хозяйка, и страшно было смотреть, как она вдруг выпрямилась на стуле, расставив ноги, и мощные колени проступили сквозь тонкую юбку. – Вы требуете невозможного.

– А почему это невозможно? – спросил К.

– Сейчас я вам все объясню, – сказала хозяйка таким тоном, словно она не последнее одолжение делает человеку, а уже налагает на него первое взыскание. – Сейчас я вам с удовольствием все объясню. Конечно, я не имею отношения к Замку, я только женщина, только хозяйка этого захудалого двора – возможно, что он и не из самых захудалых, но недалеко ушел, – так что вы, может статься, моим словам никакого значения не придадите, но я всю жизнь смотрела в оба, со всякими людьми встречалась, всю тяжесть хозяйства вынесла на своих плечах – хоть муж у меня и славный малый, но хозяин он никуда не годный, и ему никак не понять, что такое ответственность. Вот вы, например, только благодаря его ротозейству – я в тот день устала до смерти – сидите у нас в Деревне, тут, на мягкой постели, в тепле и довольстве.

– Как это? – спросил К., очнувшись от некоторой рассеянности и волнуясь скорее от любопытства, чем от раздражения.

– Да, только благодаря его ротозейству! – снова повторила хозяйка, тыча в К. пальцем.

Фрида попыталась ее успокоить.

– Чего тебе? – сказала хозяйка, повернувшись к ней всем телом. – Господин землемер меня спросил, и я должна ему ответить. Иначе ему не понять то, что нам понятно само собой: господин Кламм никогда не будет с ним разговаривать, да что я говорю «не будет», – он не может с ним разговаривать. Слушайте, господин землемер! Господин Кламм – человек из Замка, и это уже само по себе, независимо от места, какое Кламм занимает, очень высокое звание. А что такое вы, от которого мы так униженно добиваемся согласия на брак? Вы не из Замка, вы не из Деревни. Вы ничто. Но, к несчастью, вы все же кто-то, вы чужой, вы всюду лишний, всюду мешаете, из-за вас у всех постоянные неприятности, из-за вас пришлось выселять служанок, нам ваши намерения неизвестны, вы соблазнили нашу дорогую крошку, нашу Фриду, – и теперь ей, к сожалению, придется выйти за вас замуж. Но я вовсе вас не упрекаю. Вы такой, какой вы есть; достаточно я в жизни всего насмотрелась, выдержу и это. А теперь представьте себе, чего вы, в сущности, требуете. Такой человек, как Кламм, – и вдруг должен с вами разговаривать! Мне и то больно было слышать, что Фрида разрешила вам подсмотреть в глазок, видно, раз она на это пошла, вы ее уже соблазнили. А вы мне скажите, как вы вообще выдержали вид Кламма? Можете не отвечать, знаю – прекрасно выдержали. А это потому, что вы и не можете видеть Кламма как следует, нет, я вовсе не преувеличиваю, я тоже не могу. Хотите, чтобы Кламм с вами разговаривал, – да он даже с местными людьми из Деревни и то не разговаривает, никогда он сам еще не заговаривал ни с одним жителем Деревни. Для Фриды было большой честью – и я буду гордиться за нее до самой смерти, – что он окликал ее по имени и что она когда угодно могла к нему обращаться и даже получила разрешение пользоваться глазком, но разговаривать он с ней никогда не разговаривал. А то, что он иногда звал Фриду, вовсе не имеет того значения, какое люди хотели бы этому придать, просто он окликал ее: «Фрида», а зачем – кто его знает? И то, что Фрида тут же к нему бежала, – это ее дело; а то, что ее к нему допускали без возражений, – это уж добрая воля господина Кламма, никак нельзя утверждать, что он звал ее к себе. Правда, теперь и то, что было, конечно навсегда. Может случиться, что Кламм когда-нибудь и скажет: «Фрида!» Это возможно, но уж пустить ее, девчонку, которая с вами путается, к нему никто не пустит. И только одно, только одно не понять бедной моей голове – как девушка, о которой говорили, что она любовница Кламма – хотя я считаю, что это сильно преувеличено, – как она позволила вам дотронуться до себя?

– Да, удивительное дело, – сказал К. и посадил Фриду к себе на колени, чему она не сопротивлялась, хотя и опустила голову, – но это, по-моему, только доказывает, что все обстоит совсем не так, как вы себе представляете. С одной стороны, вы, конечно, правы, утверждая, будто я перед Кламмом ничто; но если я теперь и требую разговора с Кламмом и даже все ваши объяснения меня не отпугивают, то этим еще не сказано, что я смогу выдержать вид Кламма, когда между нами не будет двери, вполне возможно, что при одном его появлении я выскочу из комнаты. Но такие, хотя и вполне оправданные, опасения – еще не основание для отказа от попытки добиться своего. И если мне удастся не оробеть перед ним, тогда вовсе не надо, чтобы он со мной разговаривал, достаточно будет и того, что я увижу, какое впечатление на него произведут мои слова, а если никакого или он меня совсем не станет слушать, так я, по крайней мере, выиграю одно – то, что я без стеснения, свободно высказался перед одним из сильных мира сего. А вы, хозяйка, при вашем большом знании людей, при вашем жизненном опыте, и Фрида, которая еще вчера была любовницей Кламма – я не вижу никаких оснований избегать этого слова, – вы обе, несомненно, можете легко найти для меня возможность встретиться с Кламмом, и если никак нельзя иначе, то надо пойти в гостиницу: может быть, он и сейчас еще там.

– Нет, это невозможно, – сказала хозяйка, – вижу, что вам просто соображения не хватает, никак не можете понять. Вы хоть скажите: о чем вы собираетесь говорить с Кламмом?

– О Фриде, конечно, – сказал К.

– О Фриде? – непонимающе повторила хозяйка и обратилась к Фриде: – Ты слышишь, Фрида? Он хочет о тебе говорить с Кламмом? С самим Кламмом?

– Ах, – сказал К., – вы такая умная, достойная уважения женщина, и вдруг вас пугает всякий пустяк. Ну да, я хочу поговорить с ним о Фриде, и ничего в этом чудовищного нет, наоборот, это само собой разумеется. Ведь вы и тут ошибаетесь, думая, что Фрида, с тех пор как я появился, потеряла для Кламма всякий интерес. Думать так – значит недооценивать его. Я отлично знаю, что с моей стороны большая дерзость – поучать вас, но все же приходится. Из-за меня отношения Кламма с Фридой никак измениться не могут. Либо между ними вообще никаких близких отношений не было – так, в сущности, считают те, которые отнимают у Фриды право на звание любовницы Кламма, – тогда и сейчас никаких отношений нет, или же, если такие отношения существовали, то можно ли думать, что из-за меня, из-за такого, как вы правильно выразились, ничтожества в глазах Кламма, они могли нарушиться? Только с перепугу, в первую минуту в это можно поверить, но стоит только поразмыслить, и все становится на место. Впрочем, дадим и Фриде высказать свое мнение.

Задумчиво глядя вдаль и прижавшись щекой к груди К., Фрида сказала:

– Матушка, конечно, во всем права. Кламм обо мне больше и знать не желает. Но вовсе не из-за тебя, миленький мой, – такие вещи на него не действуют. Мне даже кажется, что только благодаря ему мы с тобой нашли друг друга, тогда, под стойкой, и я не проклиная, а благословляю этот час.

– Ну если так, – медленно проговорил К. (ему сладко было слушать эти слова, и он даже прикрыл глаза, чтобы они проникли в самую душу), – ну если так, значит, тем меньше у меня оснований бояться разговора с Кламмом.

– Ей-богу, – сказала хозяйка и посмотрела на К. сверху вниз, – иногда вы напоминаете моего мужа – такое же упрямство, такое же ребячество. Вы тут всего несколько суток, а уже хотите все знать лучше нас, местных, лучше меня, старой женщины, лучше Фриды, которая столько видела и слышала там, в гостинице. Не отрицаю, может быть, иногда и можно чего-то добиться, несмотря на все законы, на все старые обычаи; сама я никогда в жизни такого не видела, но говорят, есть примеры, всякое бывает; но уж, конечно, добиваться этого надо не так, как вы, не тем, чтобы все время только и твердить: «Нет, нет, нет!» – только и пытаться жить своим умом и никаких добрых советов не слушать. Думаете, я о вас забочусь! Разве мне было

до вас дело, когда вы были один? Кстати, лучше бы я тогда вмешалась, может быть, многого можно было бы избежать. Одно только я уже тогда сказала про вас своему мужу: «Держись от него подальше!» Я бы и сама вас избегала, если бы вы не связали судьбу Фриды со своей судьбой. Только ей вы должны быть благодарны – хотите или не хотите – за мою заботу, даже за мое уважение к вам. И вы не имеете права так просто отстранять меня, потому что передо мной, перед единственным человеком, который по-матерински заботится о маленькой Фриде, вы несете самую серьезную ответственность. Возможно, что Фрида права и что все совершилось по воле Кламмы, но о Кламме я сейчас ничего не знаю, никогда мне с ним говорить не придется, это для меня совершенно недоступно. А вы сидите тут, обнимаете мою Фриду, а вас самих – зачем скрывать? – держу тут я. Да, я вас держу, попробовали бы вы, молодой человек, если я вас выставлю из своего дома, найти пристанище где-нибудь в Деревне хоть в собачьей будке.

– Спасибо, – сказал К. – Вы очень откровенны, и я верю каждому вашему слову. Значит, вот до чего непрочное у меня положение, и, значит, положение Фриды тоже.

– Нет! – сердито закричала на него хозяйка. – У Фриды совсем другое положение, ничего общего с вами тут у нее нет. Фрида – член моей семьи, и никто не смеет называть ее положение непрочным.

– Хорошо, хорошо, – сказал К. – Пусть вы и тут правы, особенно потому, что Фрида по неизвестной мне причине слишком вас боится и вмешиваться не хочет. Давайте поговорим только обо мне. Мое положение чрезвычайно непрочное, этого вы не отрицаете, наоборот, всячески стараетесь доказать. Вы и тут, как и во всем, что вы сказали, по большей части правы, однако с оговорками. Например, я знаю место, где я мог бы отлично переночевать.

– Где это? Где? – в один голос закричали Фрида и хозяйка с таким пылом, словно у обеих была одинаковая причина для любопытства.

– У Варнавы! – сказал К.

– У этих нищих! – крикнула хозяйка. – У этих опозоренных нищих! У Варнавы! Вы слышали? – И она обернулась к углу, но помощники уже вылезли оттуда и, обнявшись, стояли за хозяйкой, и та, словно ища поддержки, схватила одного из них за руку. – Слышали, с кем водится этот господин? С семьей Варнавы! Ну конечно, там ему устроят ночевку, ах да лучше бы он там ночевал, чем в гостинице! А вы-то где были?

– Хозяйка, – сказал К., не дав помощникам ответить, – это мои помощники, а вы с ними обращаетесь, будто они вам помощники, а мне сторожа. В остальном я готов самым вежливым образом обсуждать все ваши мнения, но это никак не касается моих помощников, тут все слишком ясно. Поэтому попрошу вас с моими помощниками не разговаривать, а если моей просьбы мало, то я запрещаю моим помощникам отвечать вам.

– Значит, мне с вами нельзя разговаривать! – сказала хозяйка, обращаясь к помощникам, и все трое засмеялись: хозяйка – ехидно, но гораздо снисходительней, чем мог ожидать К., а помощники – с обычным своим выражением, которое было и многозначительным, и вместе с тем ничего не значащим и показывало, что они снимают с себя всякую ответственность.

– Только не сердись, – сказала Фрида, – и пойми правильно, почему мы так взволнованы. Если угодно, мы с тобой только благодаря Варнаве и нашли друг друга. Когда я тебя первый раз увидела в буфете – ты вошел под ручку с Ольгой, – то хотя я кое-что о тебе уже знала, но ты мне был совершенно безразличен. Вернее, не только ты мне был совершенно безразличен, почти все, да все на свете мне было безразлично. Правда, я и тогда многим была недовольна, многое вызывало злобу, но какое же это было недовольство, какая злоба! Например, меня мог обидеть какой-нибудь посетитель в буфете – они вечно ко мне приставали, ты сам видел этих парней, но приходили и похуже. Кламмовы слуги были не самые плохие, ну и обижал меня кто-нибудь, а мне-то что? Мне казалось, что это случилось сто лет назад, или случилось вовсе не со мной, а кто-то мне об этом рассказывал, или я сама уже все позабыла. Нет, не могу описать,

даже не могу сейчас представить себе, как оно было, – настолько все переменялось с тех пор, как Кламм меня бросил.

Тут Фрида оборвала свой рассказ, печально склонила голову и сложила руки на коленях.

– Вот видите, – сказала хозяйка с таким выражением, будто говорит не от себя, а подает голос вместо Фриды; она пододвинулась поближе и села вплотную к Фриде. – Вот видите, господин землемер, к чему привели ваши поступки, и пусть ваши помощники – ведь мне не разрешается с ними разговаривать, – пусть и для них это будет наукой! Фрида была счастлива, как никогда в жизни, и вы ее вырвали из этого состояния, но вам это удалось только потому, что Фрида по-детски все преувеличила и пожалела вас – ей было невыносимо видеть, как вы вцепились в руку Ольги и, значит, попали в лапы к семье Варнавы. Вас она спасла, а собой пожертвовала. А теперь, когда так случилось и Фрида отдала все, что у нее было, за счастье сидеть у вас на коленях, теперь вы вдруг выкладываете как самый ваш главный козырь, что у вас, мол, была возможность переночевать у Варнавы! Видно, хотите показать, что вы от меня не зависите? Конечно, если бы вы и впрямь переночевали у Варнавы, так, уж наверно, перестали бы от меня зависеть – я бы вас вмиг, немедленно выставила из моего дома.

– Никаких грехов я за семьей Варнавы не знаю, – сказал К. и, осторожно подняв Фриду, которая сидела как неживая, медленно усадил ее на кровать, а сам встал. – Может быть, тут вы и правы, но и я, безусловно, был прав, когда я просил вас предоставить нам с Фридой самим решать свои дела. Вы тут что-то упоминали о любви и заботе, но я-то их не заметил, больше тут было высказано ненависти, и насмешки, и угроз выставить меня из дому. Если вы задумали отпугнуть Фриду от меня или меня от Фриды, то вы ловко за это взялись, но думаю, что это вам не удастся, а если бы и удалось, то – разрешите и мне на этот раз, хоть и туманно, пригрозить вам – вы в этом горько раскаетесь. Что касается квартиры, которую вы мне предоставили, – ведь речь может идти только об этой отвратительной конуре? – то ничем не доказано, что вы это сделали по собственной воле, должно быть, вам были даны указания от графской канцелярии. Я туда и доложу, что вы мне отказали, а если мне укажут другое жилье, вы, наверно, вздохнете с большим облегчением, но я вздохну еще глубже. А теперь я отправляюсь к сельскому старосте – и по этому делу, и по другим делам; а вы, пожалуйста, хотя бы позаботьтесь о Фриде – смотрите, в какое состояние ее привели ваши, так сказать, материнские речи!

И он повернулся к помощникам.

– Пошли! – сказал он, снял письмо Кламма с гвоздика и двинулся к выходу.

Хозяйка смотрела на него молча и только, когда он уже взялся за дверную ручку, сказала:

– Господин землемер, хочу еще дать вам совет на дорогу, потому что, какие бы речи вы ни вели, как бы вы меня, старую женщину, ни обижали, вы все же будущий муж Фриды. Только потому я и говорю вам: вы находитесь в ужасающем неведении насчет наших здешних дел, просто голова кружится, когда вас слушаешь, когда мысленно сравниваешь ваши слова и ваши утверждения с истинным положением вещей. Сразу ваше непонимание не исправишь, а может, и вообще тут ничего не сделаешь, но будет лучше во многих отношениях, если вы хоть немного доверитесь мне и будете знать, что вы ничего не знаете. Тогда вы, к примеру, станете гораздо справедливее ко мне и хоть немного поймете, какой страх мне пришлось пережить – я до сих пор от него не избавлюсь, – когда я узнала, что моя милая крошка оставила, можно сказать, орла и связалась со слепым кротом, причем ведь на самом деле все обстоит куда хуже, я только стараюсь об этом забыть, не то я не могла бы вымолвить ни слова. Ну вот вы опять сердитесь. Нет, не уходите, послушайте хоть эту просьбу: куда бы вы ни пришли, помните, что вы тут самый несведущий человек, и будьте осторожны: тут, у нас, где вас защищает от беды присутствие Фриды, можете болтать сколько вашей душе угодно, например, здесь можете изображать перед нами, как вы собираетесь разговаривать с Кламмом, но на самом деле, на самом деле – очень, очень вас прошу – не делайте этого!

Она встала и, споткнувшись от волнения, подошла к К., схватила его за руку и умоляюще посмотрела на него.

– Хозяйка, – сказал К., – не понимаю, почему из-за такого дела вы унижаетесь, просите меня. Если, как вы говорите, мне с Кламмом поговорить невозможно, значит, я этого и не добьюсь, просите меня или не просите. Но если это все же возможно, почему бы и не воспользоваться такой возможностью, тем более что тогда отпадут все ваши основные возражения и всякие ваши страхи будут малообоснованны. Да, конечно, я нахожусь в неведении, это правда, и для меня это очень печально, но есть тут и то преимущество, что человек в своем неведении действует смелей, а потому я охотно останусь при своем неведении и, пока есть силы, готов даже нести все дурные последствия, а их, наверно, не избежать. Но ведь эти последствия в основном коснутся только меня, вот почему мне особенно непонятны все ваши просьбы. О Фриде вы, несомненно, позаботитесь, а если я совсем исчезну из ее жизни, то, с вашей точки зрения, это для нее будет просто счастьем. Чего же вы тогда боитесь? Уж не боитесь ли вы, – К. открыл двери, – а при моей неосведомленности все кажется возможным, – уж не боитесь ли вы за Кламма? – Он торопливо сбежал по лестнице, за ним его помощники; хозяйка молча посмотрела ему вслед.

Глава пятая

У старосты

К его собственному удивлению, предстоящий разговор со старостой мало беспокоил К. Он это объяснял себе тем, что до сих пор, как показал опыт, деловые отношения с графской администрацией складывались для него совсем просто. Происходило это оттого, что, по-видимому, в отношении него была издана определенная, чрезвычайно для него выгодная инструкция, а с другой стороны, все инстанции были удивительным образом связаны в одно целое, причем это особенно четко ощущалось там, где на первый взгляд такой связи не существовало. Думая об этом, К. был готов считать свое положение вполне удовлетворительным, хотя при таких вспышках благодушия он спешил себе сказать, что в этом-то и таится главная опасность.

Прямой контакт с властями был не так затруднен, потому что эти власти, при всей их превосходной организации, защищали от имени далеких и невидимых господ далекие и невидимые дела, между тем как сам К. боролся за нечто живое – за самого себя, притом, пусть только в первое время, боролся по своей воле, сам шел на приступ; и не только он боролся за себя, за него боролись и другие силы – он их не знал; но по мероприятиям властей мог предположить, что они существуют. Однако тем, что власти до сих пор охотно шли ему навстречу – правда, в мелочах, о крупных вещах до сих пор речи не было, – они отнимали у него возможность легких побед, а одновременно и законное удовлетворение этими победами с вытекающей отсюда вполне обоснованной уверенностью, необходимой для дальнейших, уже более серьезных боев. Вместо этого власти пропускали К. всюду, куда он хотел, – правда, только в пределах Деревни, – и этим размагничивали и ослабляли его: уклоняясь от борьбы, они вместо того включали его во внеслужебную, совершенно непонятную, унылую и чуждую ему жизнь. И если К. не будет все время начеку, то может случиться, что в один прекрасный день, несмотря на предупредительность местных властей, несмотря на добросовестное выполнение всех своих до смешного легких служебных обязанностей, обманутый той внешней благосклонностью, которую к нему проявляют, К. станет вести себя в остальной своей жизни столь неосторожно, что на чем-нибудь непременно споткнется, и тогда власти, по-прежнему любезно и мягко, как будто не по своей воле, а во имя какого-то незнакомого ему, но всем известного закона должны будут вмешаться и убрать его с дороги. А в чем, в сущности, состояла его «остальная» жизнь здесь? Нигде еще К. не видел такого переплетения служебной и личной жизни, как тут, – они до того переплетались, что иногда могло показаться, что служба и личная жизнь поменялись местами. Что значила, например, чисто формальная власть, которую проявлял Кламм в отношении служебных дел К., по сравнению с той реальной властью, какой Кламм обладал в спальне К.? Вот и выходило так, что более легкомысленное поведение, большая непринужденность были уместны только при непосредственном соприкосновении с властями, а в остальном нужно было постоянно проявлять крайнюю осторожность, с оглядкой во все стороны, на каждом шагу.

Встреча со старостой вскоре вполне подтвердила, что К. правильно представил себе здешние порядки. Староста, приветливый, гладковыбритый толстяк, болел – у него был тяжелый подагрический припадок – и принял К., лежа в постели.

– Так вот, значит, наш господин землемер, – сказал он, попробовал приподняться, чтобы с ним поздороваться, но не смог и снова опустился на подушку, виновато показывая на свои ноги. Тихая женщина, больше похожая на тень в сумеречном освещении от крохотных окон, к тому же затемненных занавесками, принесла для К. стул и поставила его у самой постели. – Садитесь, садитесь, господин землемер, – сказал староста, – и скажите мне, какие у вас будут пожелания?

К. прочел ему письмо Кламма и добавил от себя кое-какие замечания. И снова у него появилось ощущение необыкновенной легкости общения с местной властью. Они буквально

брали на себя все трудности, им можно было поручить что угодно, а самому остаться ни к чему не причастным и свободным. Староста как будто почувствовал в нем это настроение и беспокойно завертелся на кровати. Наконец он сказал:

– Я, господин землемер, как вы, вероятно, заметили, уже давно обо всем знаю. Виной тому, что я сам ничего еще не сделал, во-первых, моя болезнь, и потом, вы так долго не приходили, что я уже подумал: не отказались ли вы от этого дела? Но теперь, когда вы так любезно сами пришли ко мне, я должен сказать вам всю правду, и довольно неприятную. По вашим словам, вас приняли как землемера, но, к сожалению, нам землемер не нужен. Для землемера у нас нет никакой, даже самой мелкой работы. Границы наших маленьких хозяйств установлены, все аккуратно размежевано. Из рук в руки имущество переходит очень редко, а небольшие споры из-за земли мы улаживаем сами. Зачем нам тогда землемер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.